

Ледяной укус

Автор:

Райчел Мид

Ледяной укус

Райчел Мид

Вселенная Академии вампиров Академия вампиров #2

Академия вампиров, где представители этой загадочной расы обучаются искусству высокой магии, распущена на каникулы. Юную принцессу Лиссу и ее подругу и верного стража Розу ждет горнолыжная база. Солнце, снег, высота, скорость и бесконечный драйв! Главная задача девчонок – оторваться по полной программе, оставив в прошлом кровавые бойни, которые устраивают стригои, извечные враги вампирского рода. Мало того, стригои, похоже, обзавелись помощниками среди людей. Единственное, чего они пока не знают, – опасность следует за ними по пятам, и сейчас главная задача неумерших – не умереть.

Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров.

Райчел Мид

Ледяной укус

© Перевод. Б. Жужунава, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Кэт Ричардсон, которая так мудра

Пролог

Вы что-нибудь слышали о живых мертвецах-вампирах? Их называют стригоями, и если до сих пор они не являлись вам в ночных кошмарах, то рано или поздно это непременно случится. Наделенные недюжинной силой и ловкостью, они убивают своих жертв без малейших колебаний, а понятие «милосердие» для них не существует вовсе. Более того, стригои бессмертны, а борьба с ними опасна и трудна. Есть лишь три способа убить стригоя: всадить серебряный кол в сердце, обезглавить или сжечь.

К счастью, морои не такие. Они почти как люди, но обладают невероятной магической силой в одной из четырех стихий – земля, воздух, вода или огонь. К сожалению, теперь они практически не используют магию как оружие, потому что убеждены – к ней следует прибегать исключительно в мирных целях. Таково одно из важнейших правил сообщества. Морои высокие, худощавые и плохо переносят солнечный свет. Однако их недостатки компенсируются сверхчеловеческим зрением, обонянием и слухом.

И тем и другим вампирам требуется кровь – собственно, это и делает их вампирами. Морои не убивают ради нее. Есть люди, добровольно жертвующие кровь в небольших дозах, поскольку при укусе вампира выделяются эндорфины, что в высшей степени приятно и может вызвать привыкание. Этих людей называют «кормильцами»; по существу, они становятся зависимыми от вампирских укусов. И все же держать при себе «кормильцев» лучше, чем поступать так, как стригои, которые ради крови идут на убийство. Думаю, им нравится убивать.

Морой, в процессе «кормления» лишивший жизни свою жертву, сразу превращается в стригоя. Некоторые морои поступают так по собственному выбору, отказываясь ради бессмертия от принципов и магии. Если стригой напьется крови, а потом заставит жертву выпить свою, ну... опять-таки

получится новый стригой. Такое может произойти с кем угодно: с мороем, с человеком или с... дампиром.

Я – дампир, такие, как я, наполовину люди, наполовину морои. Мне нравится думать, что мы унаследовали лучшие черты обеих рас. Я сильная, выносливая и как человек сколько угодно могу находиться на солнце. Однако я обладаю обостренным восприятием и быстрыми рефлексами, как истинный морой. В результате из дампиров получаются лучшие телохранители, кем, собственно, большинство из нас и становится. Нас называют стражами.

Всю жизнь я буду защищать мороев от стригоев, для этого я изучаю курс специальных дисциплин в Академии Святого Владимира, частной школе для мороев и дампиров. Я умею пользоваться всеми типами оружия и владею рукопашным боем, частенько побеждала парней вдвое крупнее меня – и на уроках, и за пределами школы. Хотя я только парней и побеждаю, поскольку в школе девушек-дампиров очень мало.

Увы, наследуя самые лучшие черты обеих рас, одного мы лишены – дампир не может иметь ребенка от другого дампира. Не спрашивайте почему – я далека от генетики и всего такого. Дампиры рождаются от союза людей и мороев; однако теперь подобное случается редко – морои сторонятся людей из-за еще одной генетической случайности. Но дампир может родиться от союза мороев и дампиров. Знаю-знаю: такое запросто покажется безумием. Вы думаете, в итоге получится малыш, который на три четверти будет вампиром? А вот и нет. Наполовину человек, наполовину морой.

Большинство дампиров сейчас рождаются от мужчин-мороев и женщин-дампиров. Практически получается, что мужчина-морой развлекается с женщиной-дампиром, а потом бросает ее. В результате среди женщин-дампиров много матерей-одиночек, поэтому мало кто из них становится стражем. Но те, кто решил защищать мороев, относятся к своей работе чрезвычайно серьезно. Дампиры нуждаются в мороях. Мы вынуждены защищать их. Плюс это просто... ну достойное дело. Стригои злобные, противоестественные создания, их жертвами становятся невинные. Дампирам, собирающимся стать стражами, внушают с малолетства: стригои – зло, мороев необходимо защищать. И стражи верят в это. Я верю в это.

И есть одна моройская девушка, которую я хочу защищать больше, чем кого бы то ни было на свете: моя лучшая подруга Лисса. Она принадлежит к одной из

двенадцати королевских семей, последняя из Драгомиров. Лисса особенная. Помните, я говорила – каждый морой обладает магической силой в одной из четырех стихий? Так сложилось, что Лисса обладает магической силой в стихии, о существовании которой никто до недавнего времени даже не подозревал. Эта стихия называется дух. Много лет все полагали, что у Лиссы просто не развиты магические способности. Потом рядом с ней стали происходить странные события. Например, все вампиры обладают способностью принуждения, что позволяет им навязывать свою волю другим. У стригоев эта способность по-настоящему сильна, у мороев слабее, да еще и находится под запретом. У Лиссы, однако, она развита почти в той же степени, как у стригоев. Она похлопает ресницами – и люди исполняют ее волю.

Кстати, мертвецы не всегда остаются мертвецами. Я – одна из них. Не волнуйтесь – я не стригой. И все же была мертва (никому такого не пожелаю). В автокатастрофе погибли я, родители Лиссы и ее брат. Тем не менее в том хаосе – ничего не осознавая – Лисса воззвала к духу и вернула меня к жизни. Долгое время ни она, ни я не осознавали случившегося. Фактически мы не знали о существовании духа.

К несчастью, так получилось, что кое-кому стало известно о духе еще до нас. Виктор Дашков, умирающий моройский принц, осознал, какой силой обладает Лисса, и задумал сделать ее личной целительницей, заперев в четырех стенах до конца дней. Я поняла, что кто-то тайно преследует ее, и решила взяться за это дело сама. Под моим давлением мы сбежали из школы и затерялись среди людей. Забавно, конечно, но действовало на нервы – мучительно находиться в бегах. Таким образом мы скрывались два года. Все это время администрация Академии разыскивала нас. В конце концов несколько месяцев назад нас нашли и доставили обратно.

Вот тогда-то Виктор и сделал свой ход. Решив вывести из игры меня и моего наставника Дмитрия, он наложил на нас заклинание вожделения. Его люди похитили Лиссу и доставили в безлюдную местность, где Дашков вынудил ее уступить его требованиям. Виктор заставил Лиссу так усиленно эксплуатировать целительские способности, что она чуть не лишилась рассудка. Однако со своей дочерью Натальей он поступил еще хуже – уговорил ее стать стригоем, лишь бы та помогла ему сбежать. В итоге она погибла. Оказавшись в заключении, Виктор не сожалел ни о чем. У меня даже невольно возникла мысль – много ли я потеряла, не зная отца?

Тем не менее сейчас я должна защищать Лиссу и от стригоев, и от мороев. Лишь немногие посвященные знают о ее способностях, но, не сомневаюсь, найдутся другие злоумышленники, готовые воспользоваться ее даром. К счастью, у меня имеется особое оружие. После автомобильной аварии между нами возникла необычная духовная связь. Я могу видеть и чувствовать все, что переживает Лисса, это помогает мне приглядывать за ней, хотя иногда странно и дико – оказываться в голове другого человека. Я стараюсь быть образцовым стражем. Главное для меня – безопасность Лиссы. Но существуют два фактора, время от времени мешающие моим занятиям. Во-первых, частенько я сначала действую, а потом думаю. Я работаю над этим и кое-чего достигла, но стоит завестись – и я забываю об осторожности. Когда близкие подвергаются опасности... все правила утрачивают силу.

Вторая проблема – Дмитрий. Это он убил Наталью, он по-настоящему крутой парень. И очень хорош внешне. По правде говоря, более чем хорош. Дмитрий потрясающий – если увидишь такого на улице, то остановишься как вкопанная, рискуя угодить под машину. Но, как я говорила, он мой инструктор. И ему двадцать четыре. Вот почему мне никак нельзя влюбляться в него. Но, честно говоря, самая главная причина, почему это невозможно, состоит в том, что, когда Лисса окончит школу, мы оба станем ее стражами. Если мы сосредоточимся друг на друге, то вряд ли сможем хорошо выполнять свои обязанности.

Я не слишком преуспела в том, чтобы выкинуть своего наставника из головы, и уверена – он испытывает те же чувства. Сильно мешает, в частности, то, что, находясь под воздействием заклинания вожделения, мы почувствовали необыкновенное влечение друг к другу. А все благодаря проискам Виктора! Я даже собиралась расстаться со своей девственностью. В последнюю минуту мы разрушили заклинание, но воспоминания всегда остаются со мной, и временами бывает трудно сосредоточиться на боевых приемах.

Между прочим, меня зовут Роза Хэзевей. Мне семнадцать, я учусь защищать и убивать вампиров, влюблена в совершенно неподходящего парня, а моя лучшая подруга обладает сверхъестественными магическими способностями, которые рано или поздно сведут ее с ума.

Эй, никто никогда не утверждал, будто средняя школа – это легко!

Один

Я думала, хуже быть не может, пока лучшая подруга не сообщила мне, что ей снова угрожает безумие.

– Что ты сказала?

В этот момент я находилась в здании ее спального корпуса и, наклонившись, поправляла шнурки на ботинке. Услышав печальное известие, я резко вскинула голову и уставилась на Лиссу через спутанную, скрывающую половину моего лица завесу темных волос. После занятий я заснула и, проснувшись, не стала расчесываться. Лисса – блондинка, волосы у нее гладкие и, конечно, всегда прекрасно лежат. Она с веселым удивлением смотрела на меня.

– Я сказала, по-моему, таблетки больше не помогают.

Я выпрямилась и откинула с лица волосы.

– Как это понимать? – спросила я.

Вокруг сновали морои, торопясь на обед или на встречу с друзьями.

– Твоя сила... – Я понизила голос. – Твоя сила начала возвращаться?

Она покачала головой, и я увидела в ее глазах сожаление.

– Нет... Я чувствую себя ближе к магии, но по-прежнему не могу использовать ее. В последнее время меня одолевают сомнения другого рода. Ну, ты знаешь... Иногда впадаю в депрессию. Нет-нет, совсем не так, как раньше, – торопливо добавила она, заметив выражение моего лица.

До того как Лисса стала принимать таблетки, у нее случались такие приступы депрессии, что она могла изувечить себя.

– Просто сейчас чуть-чуть хуже, чем вначале.

– А как насчет другого? Тревога? Бредовые мысли?

Лисса рассмеялась; она не относилась ко всему этому так серьезно, как я.

– Ты прямо учебников по психиатрии начиталась.

Да, я действительно их читала.

– Просто беспокоюсь о тебе. Если ты считаешь, что таблетки больше не работают, нужно посоветоваться с кем-нибудь.

– Нет-нет, – поспешно заюлила она. – Со мной все хорошо. Они работают... просто дают меньше эффекта. Не думаю, будто есть причины впадать в панику. В особенности тебе, по крайней мере сегодня.

Она сменила тему разговора, и это сработало. Час назад я узнала, что сегодня у меня квалификационный экзамен или скорее собеседование, – все новички стражи проходили через него на предпоследнем курсе обучения в Академии Святого Владимира. Поскольку в прошлом году я и Лисса были в бегах, то, следовательно, я все пропустила. Сегодня какой-то страж, не из наших, академических, собирался протестировать меня. Спасибо за предупреждение, парни.

– Не беспокойся обо мне, – с улыбкой повторила Лисса. – Если станет хуже, я тебе сообщу.

– Ладно, – неохотно согласилась я.

Тем не менее на всякий случай я воспользовалась нашей духовной связью и открыла свое сознание чувствам, которые она сейчас испытывала. Подруга сказала правду – этим утром она ощущала себя спокойной, довольной и ни о чем не тревожилась. Однако в глубине сознания я ощутила клубок мрачных, беспокойных чувств. Они не поглощали ее целиком, нет, ничего такого, но несли оттенок тех приступов депрессии и гнева, которые бывали прежде. Совсем крошечный узелок, и все равно я ощутила беспокойство. Я попробовала проникнуть еще глубже, но внезапно испытала странное чувство чьего-то прикосновения. Мне стало не по себе, и я торопливо вернулась. По телу

побежала дрожь.

– Что с тобой? – Лисса нахмурилась. – Ты выглядишь так, словно тебе нехорошо.

– Просто... нервничаю из-за теста, – соврала я.

И, поколебавшись, снова потянулась к ней через нашу связь. Мрачность полностью исчезла. Ни следа. Может, в конце концов, с ее таблетками действительно все в порядке.

– Я в порядке.

Она кивнула на часы.

– Тебе лучше поторопиться.

– Проклятье! – Она была права, я торопливо обняла ее. – Увидимся позже!

– Удачи!

Я поспешно пересекла кампус и нашла своего наставника Дмитрия Беликова. Он ожидал меня рядом с «хондой-пилот». Какая скука! Я, конечно, не рассчитывала на поездку по горным дорогам Монтаны в «порше», но все же хотелось чего-нибудь покруче.

– Знаю, знаю, – сказала я, разглядев выражение его лица. – Прости за опоздание.

Тут я вспомнила, что мне предстоит одна из самых важных проверок в жизни, и внезапно позабыла и о Лиссе, и о ее таблетках. Я хочу защищать ее, но для этого потребуется с отличием окончить среднюю школу и стать ее официальным стражем. Отвлекаясь от мыслей, я оглянулась. Массивное кирпичное здание, неясно вырисовываясь на фоне сумеречного предраассветного неба, отбрасывало на нас длинные тени. Пошел снег. Я смотрела, как медленно падают легкие кристаллические снежинки. Некоторые из них опускались на темные волосы Дмитрия и быстро таяли. Дмитрий выглядел великолепно – как всегда.

– Кто еще едет? – спросила я.

– Только ты и я.

Мое настроение резко подскочило от просто жизнерадостного до восторженного. Я и Дмитрий. Одни. В автомобиле. Не иначе, меня ждет тест-сюрприз.

– Сколько нам ехать?

Про себя я молилась, чтобы поездка оказалась по-настоящему долгой. Можно и с неделю. Даже с ночевками в роскошных отелях. Может, нас где-нибудь занесет снегом, и лишь тепло прижатых друг к другу тел позволит выжить.

– Пять часов.

– А-а...

Меньше, чем я надеялась. Но пять часов лучше, чем ничего. Да и возможность снежного заноса по-прежнему не исключалась.

Человеку трудно вести машину по темной заснеженной дороге, но для дампирских глаз – никаких проблем. Я смотрела вперед, стараясь не думать, как чистый, острый запах лосьона после бритья заполняет салон, заставляя меня трепетать от присутствия наставника. И я попыталась снова сосредоточиться на предстоящем экзамене.

К подобной проверке нельзя подготовиться. Ты либо выдержишь испытание, либо нет. Достигшие высокого положения стражи индивидуально встречаются с учениками предпоследнего курса и оценивают их готовность. Я не знаю точно, какие вопросы задают, хотя, конечно, слухи просачиваются и за школьные стены. Старших стражей интересует степень преданности, в результате некоторых новичков даже отстраняют от должности стража.

– Разве они не приезжают в Академию? – спросила я Дмитрия. – В смысле, я ничего не имею против экскурсии, но почему мы едем к ним?

– На самом деле ты едешь не к ним, а к нему. – Легкий русский акцент не портил речь Дмитрия, просто указывал на его происхождение; во всем остальном он

владел английским лучше меня. – Поскольку здесь особый случай, нам оказывают любезность и едем именно мы, а не он.

– Кто он?

– Артур Шунберг.

Я оторвала взгляд от дороги и посмотрела на Дмитрия.

– Что?

Артур Шунберг – живая легенда, один из величайших убийц стригоев. Прежде он был главой Совета стражей – группы, принимающей решения, кто будет стражем конкретного моря. Со временем он оставил свой пост и вернулся к защите одной из королевских семей – Бадика. Даже в отставке Шунберг по-прежнему смертоносен. Его подвиги входят в учебный план наших занятий.

– А... никого больше в наличии не оказалось? – спросила я севшим голосом.

Дмитрий попытался скрыть улыбку.

– Все будет прекрасно. Кроме того, если Арт одобрит тебя, лучшей рекомендации не потребуется.

Арт. Дмитрий был на коротке с одним из самых выдающихся стражей. Конечно, чему тут удивляться – Дмитрий и сам крут. В машине воцарилась тишина. Покусывая губу, я задавалась вопросом, буду ли соответствовать стандартам Шунберга. Оценки у меня хорошие, но такие провинности, как побег и драки в школе, могут создать впечатление, будто я отношусь к своей будущей карьере без должной серьезности.

– Все прекрасно, – повторил Дмитрий. – Хорошее в твоём личном деле перевешивает плохое.

И как он умудряется читать мои мысли? Я улыбнулась и осмелилась украдкой бросить на него взгляд. Это было ошибкой. Высокий и стройный красавец с бездонными темными глазами, темно-каштановые волосы, собранные сзади в

пучок, которые на ощупь казались шелковыми. Я перебирала их, когда мы находились под воздействием заклинания Виктора Дашкова. С огромным напряжением я заставила себя перевести взгляд.

– Ну спасибо, наставник, – поддразнила его и откинулась на сиденье.

– Я здесь, чтобы помочь тебе.

Его голос звучал весело и расслабленно – большая редкость. Обычно он напряжен, всегда готов отразить любое нападение. Наверное, внутри «хонды» он чувствовал себя в безопасности – ну по крайней мере, в той степени, в какой это возможно, когда я рядом. Не мне одной тяжело игнорировать романтическое притяжение между нами.

– Знаешь, чем ты можешь реально помочь? – спросила я, избегая его взгляда.

– Ммм?

– Если выключишь эту дерьмовую музыку и поставишь что-нибудь, появившееся после падения Берлинской стены.

Дмитрий засмеялся.

– По истории ты успеваешь хуже всего, но каким-то образом знаешь все о Восточной Европе.

– Ну, должна же я иметь базу для своих шуток, товарищ.

Все еще улыбаясь, он повернул радио на станцию, передающую «кантри».

– Эй, вовсе не это имелось в виду! – воскликнула я.

Он был на грани того, чтобы рассмеяться снова.

– Выбирай. Или эта, или та.

Я вздохнула.

– Тогда возвращайся в восьмидесятые.

Я скрестила на груди руки. Он переключил радио. Зазвучала дурацкая европейская группа, поющая о том, как из-за появления кино зашла звезда радио. Вот бы уничтожил кто это радио! Внезапно пять часов показались весьма продолжительным сроком.

Артур и находящееся под его защитой семейство жили в маленьком городке у шоссе I-90, неподалеку от Биллингса. О том, где мороям лучше жить, однозначного мнения нет. Некоторые утверждают, что большие города предпочтительнее, поскольку позволяют вампирам затеряться в толпе, а ночной образ жизни не привлекает внимания. Другие выбирают маленькие городки, делая ставку на безлюдье и отшельничество.

По дороге я уговорила Дмитрия перекусить в круглосуточной закусочной, потом мы останавливались еще раз на заправку и в результате прибыли на место где-то около полудня. Это был одноэтажный дом с большими эркерами, увитый ползучими растениями, между которыми проглядывала деревянная обшивка. Он выглядел дорогим и немного нездешним – то есть примерно так, как я и представляла себе резиденцию королевской семьи.

Я выпрыгнула из машины, ботинки примерно на дюйм утонули в снегу. День выдался спокойный, тихий – если не считать случайных порывов ветра. Мы с Дмитрием шли к дому по каменистой дорожке, которая пересекала передний двор. Я видела, как он снова проникается деловым духом, но настроение оставалось таким же жизнерадостным, как и мое. Мы оба получили заслуживающее порицания удовольствие от совместной поездки. Нога поскользнулась на покрытой ледяной коркой дорожке, и Дмитрий мгновенно подхватил меня. Возникло странное ощущение дежавю – припомнилась первая ночь, когда мы встретились, тогда он тоже не дал мне упасть. Несмотря на мороз, я чувствовала тепло его руки даже через парку.

– Ты в порядке?

К моему огорчению, он убрал свою руку.

– Да. – Я бросила осуждающий взгляд на обледенелую дорожку. – Интересно, эти люди когда-нибудь слышали о соли?

Дмитрий внезапно остановился. На его лице проявились напряжение и тревога. Поворачивая голову, он изучал широкие белые равнины вокруг. Потом взгляд остановился на доме. Я хотела спросить его, в чем дело, но что-то заставило меня хранить молчание. Он разглядывал дом почти минуту, затем перевел взгляд на обледенелую дорожку, на подъездную аллею, засыпанную снегом.

Очень настороженно он подошел к передней двери, и я за ним. Тут он снова остановился, на этот раз пристально осматривая дверь. Она была закрыта, но не совсем. словно ее поспешно закрыли, но не заперли. По краю двери шли царапины, будто ее взламывали. Дмитрий провел пальцами по косяку, его дыхание маленькими облачками вырывалось в воздух. Он дотронулся до дверной ручки, она слегка покачнулась.

В конце концов он негромко скомандовал:

– Роза, подожди в машине.

– Но поче...

– Иди.

Одно слово, исполненное такой силы, сразу напомнило мне – передо мной человек, запросто расшвыривавший людей и всадивший кол не в одного стригоя. Я пошла обратно по засыпанной снегом лужайке, не рискуя идти по скользкой дорожке. Дмитрий стоял на месте, пока я не села в машину и не захлопнула дверцу, стараясь вести себя как можно тише. Потом он еле заметным движением толкнул незапертую дверь и исчез внутри. Сгорая от любопытства, я досчитала до десяти и выбралась из машины.

Я понимала, идти за ним неразумно, и в то же время должна была выяснить, что с этим домом не так. Нечищенная дорожка и нетронутая подъездная аллея свидетельствовали – по крайней мере, пару дней в доме никого не было; с другой стороны, это могло означать, что никто из семьи Бадика какое-то время не выходил на улицу. А возможно, они стали жертвами самого заурядного,

совершенного людьми взлома. Или их что-то напугало и заставило сбежать – скажем, появление стригоя. Судя по мрачному выражению лица Дмитрия, он тоже не исключал такой возможности, и все же она представлялась маловероятной – ведь их охранял не кто-нибудь, а сам Артур Шунберг.

Стоя на подъездной аллее, я подняла взгляд к небу. Свет был, хоть бледный и бесцветный. Полдень. Солнце в самой высокой точке. Стригои не выносят солнечного света, а вот я его не боюсь, и вообще я боюсь только гнева Дмитрия. Я пошла вокруг дома, обходя его справа, там снега было больше, почти на фут. Пока ничего странного я не заметила. Сосульки свисали с крыши, сквозь затененные окна никаких тайн не разглядеть. Внезапно нога ударилась обо что-то, и я глянула вниз. Наполовину зарытый в снег, там торчал серебряный кол. Нахмурившись, я вытащила его и отчистила от снега. Как он тут оказался? Серебряные кольца очень ценные. Это самое смертоносное оружие стража, таким можно убить стригоя одним-единственным ударом в сердце. Когда такой кол выковывают, четыре мороя накладывают на него магическое заклинание четырех стихий. Я пока не умела пользоваться ими, но, стиснув кол в руке, внезапно почувствовала себя в большей безопасности и продолжила путь.

Огромная застекленная дверь в задней части дома выходила на деревянный помост, на котором, скорее всего, летом происходили всякие увеселения. Однако стекло двери оказалось разбито, причем в образовавшуюся дыру с рваными краями явно мог пролезть и человек. Я тихонечко поднималась по ступеням помоста, стараясь не поскользнуться и понимая, какие у меня будут серьезные неприятности, когда Дмитрий узнает, что я делаю. Несмотря на холод, на шее выступил пот.

«Дневной свет, дневной свет», – напоминала я себе.

Не из-за чего беспокоиться. Добравшись до двери, я внимательно изучила темное стекло. Трудно сказать, чем его разбили. Сквозь дыру внутрь нанесло немного снега, на бледно-голубом ковре появился небольшой занос. Я потянула за ручку двери, но она оказалась заперта. Впрочем, с такой большой дырой это особого значения не имело. Стараясь не задеть острые края, я просунула в отверстие руку и отперла замок изнутри, затем осторожно потянула в сторону раздвижную дверь, открывая ее. При этом она издала шипящий звук, совсем тихий и все же показавшийся слишком громким в противоестественной тишине.

Я вошла внутрь, остановилась на пятне солнечного света, падающего сквозь открытую дверь, и дождалась, когда глаза приспособятся к полутьме. Сквозь открытую дверь врывался ветер, играя с занавесками. Я оказалась в гостиной. Ничего неожиданного. Кушетки. Телевизор. Кресло-качалка.

И тело. Это была женщина, она лежала на спине. Темные волосы разметались по полу. Широко распахнутые глаза слепо глядели вверх, лицо бледное – слишком бледное даже для мороя. На мгновение показалось, будто длинные волосы покрывают и шею, но потом до меня дошло: темная полоса на коже – кровь. Засохшая кровь. Ей перерезали горло.

Открывшаяся моим глазам ужасная сцена выглядела так сюрреалистично, что я даже не сразу осознала увиденное. Вдруг женщина просто заснула на полу? Потом я заметила второе тело: мужчина лежал на боку, на расстоянии пары футов от нее. Ковер залила темная кровь. Третье тело лежало рядом с кушеткой: маленькое, явно ребенок. На другом конце комнаты еще одно и еще. Тела повсюду, тела и кровь.

Внезапно до меня дошло, сколько трупов вокруг, и сердце бешено заколотилось. Нет-нет. Сейчас же день. При дневном свете ничего плохого не происходит. В горле застрял крик, внезапно заглохший, когда появившаяся из-за спины рука в перчатке накрыла мне рот. Я начала вырываться, но потом почувствовала запах лосьона Дмитрия.

– Почему ты никогда не слушаешься? – спросил он. – Если бы они все еще находились здесь, ты уже была бы мертва.

Я не могла отвечать – и из-за его руки, и из-за шока. Мне приходилось видеть смерть, но никогда в таком масштабе. Спустя почти минуту Дмитрий убрал руку, но остался за моей спиной. Я не хотела больше смотреть, но, оказалось, не могу оторвать взгляда от жуткого зрелища. Тела повсюду. Тела и кровь. В конце концов я повернулась к нему.

– Сейчас же день, – прошептала я. – Ничего плохого днем не случается.

В моем голосе звучала отчаянная мольба маленькой девочки, умоляющей убедить ее, что все вокруг – просто дурной сон.

– Плохое случается в любое время, – ответил он. – Убийство произошло не днем. Скорее всего, пару ночей назад.

Я рискнула снова бросить взгляд на тела, и живот у меня свело. Два дня. Их убили два дня назад, погасили их жизнь, как свечу, – и никто в целом мире даже не знал, что их больше нет. Мой взгляд упал на тело мужчины рядом с выходом в коридор. Высокий, слишком хорошо сложен для мороя. Дмитрий заметил, куда я смотрю.

– Артур Шунберг, – тихо бросил он.

Я посмотрела на окровавленное горло Артура.

– Мертв, – шепнула я, как будто это и так не было очевидно. – Почему он мертв? Как мог стригой убить Артура Шунберга?

Подобное казалось совершенно немыслимым. Нельзя убить легенду.

Дмитрий не отвечал. Его рука скользнула вниз и обхватила мою, стискивающую кол. Я вздрогнула.

– Где ты взяла его? – спросил он, забирая у меня кол.

– Снаружи. В снегу.

Он поднял мою находку, изучая сверкающую в солнечном свете поверхность.

– Им взломали защиту.

Я была так ошеломлена, что не сразу поняла смысл его слов. Потом до меня дошло. Защитой называют создаваемые мороями магические кольца. Как и в случае с кольями, при их создании используется магия всех четырех стихий. Для этого требуются очень могущественные в магии морои, иногда с каждой стихией они работают даже по двое. Защитные кольца создают препятствия стригой, поскольку магия заряжена жизнью, а стригои – нет. Однако защитные кольца быстро ослабевают, их требуется постоянно поддерживать. Большинство мороев не пользуются кольцами защиты, но некоторые места окружены ими, например

Академия Святого Владимира.

Здесь тоже имелись защитные кольца, но они разлетелись вдребезги, когда кто-то протаскил сквозь них кол. Две магии вступили в конфликт друг с другом, и магия кола победила.

– Стригой не может касаться кола, – выдохнула я, осознавая, как часто употребляю выражения «не может» или «немыслимо».

Нелегко – когда ставится под сомнение то, во что незыблемо веришь.

– Ни один морой или дэмпир не способен на такое.

– А вот человек сделал бы.

Наши взгляды встретились.

– Люди не помогают стригоям...

Я оборвала себя. Опять то же самое – «не помогают». Но я ничего не могла с собой поделать. Единственное, на что можно рассчитывать в борьбе со стригоями, – солнечный свет, магия кола, защитные кольца и так далее. Мы используем их слабости. Если же им помогают другие – люди, – не имеющие этих ограничений...

На суровом лице Дмитрия, как всегда готового к любому повороту событий, мелькнула крошечная тень сочувствия, когда он наблюдал за моими внутренними терзаниями.

– Оно меняет все, правда? – спросила я.

– Да, – ответил он.

Два

Дмитрий сделал один телефонный звонок, и появилась группа специального назначения.

Правда, прошло часа два, и каждая минута ожидания растянулась на год. В конце концов, не в силах выносить сцену побоища, я вернулась в машину. Дмитрий закончил осмотр дома и присоединился ко мне. Ни он, ни я не произнесли ни слова. Жуткие сцены внутри дома снова и снова прокручивались в сознании. Я чувствовала себя испуганной, одинокой, мне хотелось, чтобы Дмитрий как-то успокоил меня. И тут же бранила себя за это желание, в тысячный раз напоминая себе, что он мой инструктор и не его дело утирать сопли, какая бы ситуация ни сложилась. Кроме того, я хотела быть сильной. Не хотела искать поддержки каждый раз, когда ситуация становилась критической.

Прибыла первая группа стражей. Дмитрий открыл дверцу машины и повернулся ко мне.

– Ты должна понять, как все случилось.

Я не хотела больше смотреть на трупы, но пошла за ним. Стражи были мне незнакомы, но Дмитрий знал их. Казалось, он всегда всех знает. Они удивились присутствию новичка, но никто не протестовал.

Я плелась за ними, пока они осматривали дом. Никто ни к чему не прикасался, но они опускались на колени рядом с телами, внимательно изучали пятна крови и разбитые окна. По-видимому, стригои проникли в дом не только через переднюю или заднюю дверь. Стражи перебрасывались отрывистыми замечаниями, не выказывая ни отвращения, ни страха, которые я чувствовала. Они действовали как роботы. Одна из них, единственная женщина в группе, присела рядом с Артуром Шунбергом. Мне стало интересно: женщины-стражи – редкость. Я слышала, как Дмитрий называл ее Тамарой, на вид ей было лет двадцать пять. Темные волосы не доходили до плеч – как обычно у женщин-стражей.

В ее серых глазах промелькнула печаль.

– Ох, Артур... – вздохнула она.

Прямо как Дмитрий, в двух словах сумев выразить тысячу вещей.

– Никогда не думала, что доживу до этого дня. Он был моим наставником.

Тамара снова вздохнула и встала. Ее лицо приняло деловое выражение, как будто тот, кто обучал ее, не лежал сейчас бездыханным. Я просто глазам не верила. Он же был ее наставником. Как можно до такой степени контролировать себя? Всего на долю секунды я представила себе, что на полу распростерся мертвый Дмитрий. Нет. На ее месте я не смогла бы сохранять спокойствие. Я пришла бы в ярость, кричала бы, пинала вещи ногами. Может, даже ударила кого-нибудь, пытавшегося меня успокоить.

По счастью, я убеждена, Дмитрия никто не может одолеть. Я видела, как он убил стригоя, не моргнув глазом. Он неодолим. Он крут. Он бог. Конечно, к Артуру Шунбергу все это тоже относилось.

– Как они сумели сделать это? – выпалила я вопрос.

Шесть пар глаз обратились ко мне. Я думала, вслед за моей вспышкой последует осуждающий взгляд Дмитрия, но его лицо выражало лишь любопытство.

– Как смогли убить его?

– Точно так же, как убивают остальных, – ответила Тамара, сохраняя спокойное выражение лица. – Он смертен, как и все мы.

– Да, но он... Ты же понимаешь – Артур Шунберг.

– Вот ты и расскажи нам, Роза, – взглянул на меня Дмитрий. – Ты же видела дом. Расскажи, как они это сделали.

Я внезапно осознала, что сегодня все равно подвергнусь испытанию, и задумалась об увиденном. Сглотнула, пытаюсь сообразить, как невозможное стало возможным.

– Здесь есть четыре точки входа. Значит, речь идет, по крайней мере, о четырех стригоях. Тут присутствовали семь мороев... Семья Бадики как раз принимала гостей, что увеличило размеры кровавой бойни. Три жертвы были детьми. И три стража. Слишком много убитых. Четыре стригоя на такое неспособны. Шесть –

еще туда-сюда, если сначала они напали на стражей, сумев застать их врасплох. Морои были охвачены паникой, чтобы оказывать сопротивление.

– А как они сумели застать стражей врасплох? – спросил Дмитрий.

Я заколебалась. Как правило, стражей никому не удастся застать врасплох.

– Кольца защиты были разрушены. В семье, не имеющей защиты, выделяют стража, по ночам охраняющего двор. Но здесь пренебрегли этим.

Я ждала следующего очевидного вопроса о том, как оказалась разрушена защита, но Дмитрий не задал его. Не было нужды. Мы все знали ответ. Все видели кол. И снова дрожь пробежала по спине. Люди, работающие со стригоями... с большой группой стригоев.

Дмитрий просто кивнул в знак одобрения, и осмотр продолжился. Когда мы добрались до ванной, я отвела взгляд. Раньше я туда заглядывала вместе с Дмитрием и не имела желания соваться еще раз. Там тоже был мертвый мужчина, его засохшая кровь резко контрастировала с белыми плитками. А поскольку эта комната находилась в глубине дома, здесь было теплее, чем в гостиной с разбитой дверью, мороз тут не защищал от разложения. Тело еще не пахло скверно, но запах стоял... сомнительный.

Однако, отворачиваясь, я заметила на зеркале мазки чего-то темно-красного или скорее коричневого. Прежде я не обратила на них внимания, все затмило жуткое зрелище. Что-то было написано на зеркале кровью. Теперь я прочла надпись: «Бедные, бедные Бадика. Одна королевская семья почти уничтожена. Остальные последуют за ней».

Тамара пренебрежительно фыркнула и отвернулась от зеркала, продолжая изучать ванную. Зато в моей голове эти слова прокручивались снова и снова.

«...Одна королевская семья почти уничтожена. Остальные последуют за ней».

Бадика являлись одним из самых маленьких королевских кланов. И все же вряд ли погибшие здесь были последними из них. Осталось, мне кажется, еще около двухсот Бадика. Это не так уж много, если сравнивать, к примеру, с семьей

Ивашковых, огромной и широко распространенной. Но были королевские семьи гораздо меньше, чем семья Бадика. Такие, как Драгомиры. Из них уцелела одна Лисса.

Если стригои хотят уничтожить все королевские рода, то разумнее всего начать с нее.

Кровь мороев поддерживает стригоев, поэтому их желание понятно. А то, что они нацелились конкретно на королевские семьи, скорее всего, просто следствие их жестокого, садистского мировоззрения. Злая ирония состояла в том, что стригои страстно жаждали стереть с лица земли моройское сообщество, хотя сами некогда были его частью.

Пока мы оставались в доме, мои мысли вертелись вокруг надписи на зеркале. В результате страх и шок трансформировались в ярость. Как могли они поступить так? Насколько злым и испорченным нужно быть, чтобы убить целую семью? И как можно идти на такие преступления, если когда-то был таким, как я и Лисса?

Мысль о Лиссе, о том, что стригои захотят уничтожить и ее, расшевелила темную ярость в глубине души, такую мощную, что мне чуть не стало плохо. Внутри кипело нечто ядовитое, нарастающее – грозное облако, готовое взорваться. Внезапно меня охватило острое желание голыми руками разорвать каждого стригоя, до которого я смогу добраться. Садясь в машину, я так сильно хлопнула дверцей, что удивительно, как она не отвалилась.

Дмитрий удивленно посмотрел на меня.

– Что случилось?

– Ты серьезно?! – недоверчиво воскликнула я. – И ты еще спрашиваешь? Ты же был там, видел все.

– Да. Однако машина тут ни при чем.

– Ненавижу их! – рычала я, пристегиваясь. – Ненавижу всех их! Хотела бы я быть здесь. Уж я вспорола бы им глотки!

Я едва не кричала. Дмитрий пристально смотрел на меня, лицо спокойное, но чувствовалось, он поражен моим взрывом.

– Ты и вправду так думаешь? – спросил он. – Думаешь, будто справилась бы лучше Артура Шунберга, несмотря на увиденное? Даже после того, как Наталья обошлась с тобой?

Я заколебалась. Когда кузина Лиссы превратилась в стригоя, у меня было короткое столкновение с ней, но вскоре появился Дмитрий и спас положение. Она была еще «свежим» стригоем – слабым, нескоординированным – и тем не менее буквально швыряла меня по комнате. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох. И внезапно почувствовала себя ужасно глупо. Я знала, на что они способны. Импульсивное вмешательство в попытке спасти положение имело бы единственный результат – мою гибель. Постепенно я становилась настоящим стражем, но мне предстояло еще многому научиться – и одна семнадцатилетняя девушка уж точно не выстояла бы против шести стригоев.

Я открыла глаза.

– Прости.

Я снова обрела контроль над собой. Бушевавший внутри гнев рассеивался. Уж не знаю, откуда он взялся. Я вспыльчива и часто действую необдуманно, но этот всплеск был слишком вздорный даже в моих глазах. Странно.

– Все в порядке, – успокоил меня Дмитрий, протянул руку и на несколько мгновений накрыл своей ладонью мою. – Это был долгий день. Для всех нас.

Когда мы около полуночи вернулись в Академию, все уже знали о кровавой бойне. Учебный день в школе только закончился. Я не спала больше суток, была вялая, с мутными глазами, и Дмитрий приказал мне немедленно отправиться к себе и лечь спать. Он сам не выглядел уставшим и, казалось, мог принять любой вызов. Иногда я сомневаюсь, спит ли он вообще. Он ушел обсудить нападение с другими стражами, а я пообещала ему, что отправлюсь прямиком в постель. Однако едва он скрылся из виду, свернула к библиотеке. Требовалось увидеться с Лиссой, и благодаря нашей связи я знала, где она.

Когда я шла по каменной дорожке от моего спального корпуса к основному зданию средней школы, темнота стояла хоть глаз выколи. Трава полностью скрылась под снегом, но сама дорожка была тщательно очищена. Это напомнило мне о дворе бедных Бадика. Огромное здание школы в готическом стиле больше подходило для съемок какого-нибудь средневекового кино, чем для учебного заведения. Атмосфера тайны и древней истории сохранялась и внутри здания: искусно обработанные каменные стены и старинные картины успешно соперничали с компьютерами и флуоресцентными лампами. Современная технология проникла сюда, но не занимала доминирующего положения. Пройдя сквозь электронный вход, я направилась в дальний угол, где хранились книги по географии и путешествиям. И очень быстро обнаружила Лиссу. Она сидела на полу, прислонившись спиной к книжному шкафу.

– Привет.

Она подняла взгляд от лежащей на одном колене открытой книги и откинула с лица прядь светлых волос. Ее бойфренд Кристиан лежал на полу рядом, положив голову на другое ее колено. Он приветствовал меня кивком. Учитывая антагонизм, временами вспыхивающий между нами, это было равносильно тому, как если бы он заключил меня в медвежьи объятия. Лисса сдержанно улыбалась, но я чувствовала внутри ее напряженность и страх.

– Ты слышала, – констатировала я, усаживаясь рядом с ней со скрещенными ногами.

Улыбка исчезла, чувство страха и тревоги нарастало. Я рада, что наша духовная связь позволяет мне лучше защищать ее, но в данный момент меньше всего нуждалась в усилении собственного беспокойства.

– Ужасно, – с содроганием прошептала она.

Кристиан слегка переместился, переплел пальцы Лиссы со своими и сжал ее руку. Она в ответ сжала его. Эти двое были так влюблены и так приторно нежничали друг с другом, что каждый раз после общения с ними у меня возникало желание почистить зубы. В данный момент, однако, оба выглядели подавленными, и ясное дело, по какой причине.

– Говорят... Говорят, стригоев было шесть или семь. И люди помогли им разрушить защиту.

Я прислонилась головой к полке. Быстро же распространяются новости. Внезапно я почувствовала головокружение.

– Правда.

– В самом деле? – спросил Кристиан. – А я посчитал, что это просто преувеличение и паранойя.

– Нет... – До меня внезапно дошло, что никто, собственно, не знал, где именно я находилась сегодня. – Я... Я была там.

Глаза Лиссы расширились. Ее охватил шок, и я тут же ощутила его. Даже Кристиан – известный своей самоуверенностью – явно испытывал ужас. Если бы не жуть всего происшедшего, я почувствовала бы удовлетворение оттого, что сумела его огорошить.

– Шутишь, – буркнул он не слишком уверенно.

– Я думала, ты проходишь свое квалификационное...

Голос Лиссы сошел на нет.

– Так и предполагалось, просто я оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Страж, который должен был подвергнуть меня испытанию, жил там. Мы с Дмитрием вошли внутрь и...

Закончить я не смогла. В сознании снова вспыхнули образы крови и смерти. По лицу Лиссы скользнула тень беспокойства, просочившись через нашу связь.

– Роза, как ты? – Она ласково посмотрела на меня.

Лисса – моя лучшая подруга, но я не хотела, чтобы она знала, до какой степени все происшедшее напугало и расстроило меня. Я хотела быть сильной.

– Нормально, – процедила я, стиснув зубы.

– Как все это выглядело? – спросил Кристиан.

В его голосе звучало любопытство, но одновременно и чувство вины – он понимал, что нехорошо расспрашивать о таких страшных вещах. Но удержаться от вопроса не смог, импульсивность – одна из немногих черт, роднивших нас.

– Это выглядело... – Я покачала головой. – Не хочу об этом говорить.

Кристиан начал возражать, но Лисса коснулась рукой его блестящих черных волос. Ее мягкое прикосновение успокоило его. Между всеми нами возник момент неловкости. Проникнув в сознание Лиссы, я поняла, что она отчаянно хочет сменить тему.

– Говорят, это нарушит все праздничные визиты, – произнесла она после некоторой паузы. – Тетя Кристиана, правда, все равно собирается приехать, но большинство мороев сейчас не хотят путешествовать и пожелали, чтобы их дети тоже оставались в безопасном месте. Мысль о том, что где-то действует банда стригоев, ужасает всех.

– Многие родственники не смогут увидеться, – пробормотала я.

– И планы множества королевских вечеринок тоже пойдут прахом, – заметил Кристиан; краткий миг его серьезного настроения прошел, зато ехидная манера вернулась. – Известно, как они ведут себя в это время года – всегда соперничают друг с другом, чья вечеринка круче. Теперь не будут знать, куда себя деть.

Вполне вероятно. Вся моя жизнь вращалась вокруг борьбы, а мороев раздирали внутренние раздоры – в основном это касалось королевских семей и аристократов. Они сражались друг с другом с помощью слов и политических союзов, и, по правде говоря, я предпочитала более прямой метод нанесения ударов. Лиссе и Кристиану в особенности приходилось плавать в очень беспокойных водах. Оба они были из королевских семей, что привлекало к ним внимание и внутри Академии, и за ее стенами.

Для них ситуация обстояла даже хуже, чем для большинства членов моройских королевских семей. На семью Кристиана густую тень отбрасывало то, что сделали его родители, которые сознательно стали стригоями, обменяв магию и нравственные законы на бессмертие и существование за счет убийства других. Сейчас его родители были мертвы, но люди по-прежнему не доверяли ему. Казалось, они думали, будто он в любой момент может стать стригоем и увлечь за собой тех, кто его окружает. Его колкости и мрачное чувство юмора не способствовали улучшению ситуации.

Внимание к Лиссе объяснялось в большой степени тем, что она осталась единственной представительницей своей семьи. Среди мороев не было больше ни одного, в ком хватало бы крови Драгомиров, чтобы носить эту фамилию. Где-то на генеалогическом древе ее будущего мужа обязательно должны присутствовать Драгомиры, пусть даже в качестве дальних родственников, только в этом случае ее дети будут считаться бесспорными Драгомирами. Пока же она стала знаменитостью именно как единственная представительница своего рода. Эти мысли внезапно заставили меня вспомнить о надписи на зеркале, и к горлу подкатила тошнота. Снова зашевелились гнев и отчаяние, но я решила отмахнуться от них с помощью шутки.

– Вам, ребята, нужно учиться решать свои проблемы, как мы. При случае немного помахать кулаками – это и вам, королевским особам, не помешает.

Лисса и Кристиан рассмеялись. Он посмотрел на нее с лукавой улыбкой.

– Спорю, я одолею тебя, если мы сойдемся один на один.

– Ты бы этого хотел, да? – поддразнила она его.

Тревога Лиссы начала рассеиваться.

– А то, – сказал он, не отрывая от нее взгляда.

В его голосе прозвучали такие откровенно чувственные нотки, что сердце Лиссы заколотилось чаще. Меня обожгла ревность. Мы с ней были лучшими подругами всю свою жизнь. Я могла читать ее мысли. Но факт остается фактом: теперь Кристиан играл в ее жизни огромную роль, причем такую, какую я никогда не получу, – точно так же, как он оставался в стороне от существующей между

нами связи. Мы оба мирились с тем – хотя и не были в восторге от ситуации, – что ее внимание распределено между нами, и временами казалось, перемирие, которое мы сохраняем ради нее, не прочнее бумаги.

Лисса провела рукой по его щеке.

– Будь паинькой.

– Я стараюсь, – все еще слегка охрипшим голосом ответил он. – Временами. Но временами ты и сама не хочешь, чтобы я...

Я застонала и встала.

– Господи, по-моему, мне пора оставить вас наедине.

Лисса оторвала взгляд от Кристиана, внезапно у нее сделался смущенный вид.

– Извини. – Ее щеки приобрели нежно-розовую окраску, это необыкновенно ей шло – учитывая, что обычно она выглядела бледной, как все морои. Хотя она всегда смотрелась очень даже неплохо. – Тебе вовсе не нужно уходить...

– Нет, я просто с ног валяюсь, – заверила я ее, тем более что Кристиана мой уход явно не слишком огорчал. – Увидимся утром.

Я двинулась к выходу, но Лисса окликнула меня:

– Роза? Ты... Ты уверена, что с тобой все в порядке? После всего?

Я посмотрела в ее зеленые глаза. Ее беспокойство было столь сильным и глубоким, что у меня заныло сердце. Может, ближе меня у нее и нет никого в мире, но я не хочу, чтобы она тревожилась из-за меня. Это моя работа – защищать ее, а не ее – защищать меня, и нечего ей по этому поводу париться. В особенности если стригои внезапно решили выкорчевать все королевские семьи. Я улыбнулась ей самой ослепительной улыбкой, на какую была способна.

– Я в порядке. Меня беспокоит лишь, чтобы вы, ребята, не начали срывать друг с друга одежду еще до того, как я уйду.

– Тогда тебе лучше поторопиться, – сухо заметил Кристиан.

Она подтолкнула его локтем, и он закатил глаза.

– Доброй ночи, – пожелала я.

Едва я повернулась спиной к ним, моя улыбка погасла. Я шла к себе с тяжелым сердцем, от всей души надеясь, что Бадика не явятся мне в ночном кошмаре.

Три

Вестибюль моего спального корпуса гудел от скопления народа, когда я мчалась вниз по лестнице перед началом уроков на тренировку. Суматоха не удивляла меня. Добрый ночной сон отчасти смыл жуткие образы вчерашнего дня, но, без сомнения, ни я, ни мои школьные товарищи не забудем то, что произошло неподалеку от города Биллингса. И все же, вглядываясь в лица других новичков, я заметила нечто странное. Страх, напряженность – все это по-прежнему присутствовало, но появилось и кое-что новенькое: возбуждение. Две первокурсницы почти визжали от радости, хриплым шепотом обсуждая что-то. Неподалеку от них собравшиеся группой парни моего возраста, разговаривая, яростно жестикулировали, а на их лицах расплывались полные энтузиазма улыбки.

Наверное, я что-то пропустила – если только случившееся вчера не было сном. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не подойти к кому-нибудь и не спросить, что происходит. Если я задержусь, то опоздаю на тренировку. Тем не менее я сгорала от любопытства. Может, стригоев и их помощников-людей нашли и убили? Это, без сомнения, было бы замечательной новостью, но мне в такой исход не верилось. Открывая наружную дверь, я сокрушалась, что теперь придется ждать до завтрака.

– Хэз-евей, ножки пожа-лей, – почти пропел голос у меня за спиной.

Я оглянулась и улыбнулась. Меня догонял Мейсон Эшфорд, тоже новичок и мой добрый друг.

– Что-то я забыла – тебе двенадцать уже исполнилось?

– Почти. Я не видел вчера твое улыбающееся лицо, – продолжал он, шагая рядом со мной в сторону гимнастического зала. – Куда ты подевалась?

По-видимому, о том, что я была в доме Бадика, пока еще мало кто знал. Я не собиралась делать из этого тайну, но мне не хотелось обсуждать чудовищные детали бойни.

– Тренировалась с Дмитрием.

– Господи! – пробормотал Мейсон. – Парень заставляет тебя постоянно вкалывать. Он не понимает, что лишает нас твоей красоты и очарования?

– Красота и очарование? – Я засмеялась. – Тебе не кажется, что ты немного перебарщиваешь?

– Эй, я просто говорю как есть. На самом деле тебе повезло, такой обходительный и яркий парень, как я, уделяет тебе столько внимания.

Я продолжала улыбаться. Мейсон силен по части флирта, и в особенности ему нравится флиртовать со мной. Отчасти мне и самой это нравится, и я никогда за словом в карман не лезу. Однако я знала, он питает ко мне более чем дружеские чувства, и все никак не могла разобраться в собственном отношении к нему. Мы оба обладали хорошим чувством юмора и часто привлекали к себе внимание в классе и в компании. У него были чудесные голубые глаза и спутанные рыжие волосы, которые, казалось, никогда не удавалось пригладить. Ему это очень шло. Однако начать встречаться с кем-то еще я пока не могла, поскольку я не забыла тех моментов, когда, полуобнаженная, лежала в постели с Дмитрием.

– Обходительный и яркий, ха! – Я покачала головой. – Думаю, ты уделяешь мне меньше внимания, чем своему эго. Неплохо бы слегка сбить с тебя спесь.

– О, неужели? Ну, может, попытаться сделать это на склонах.

Я остановилась.

– Что?

– На склонах. – Он наклонил голову. – Ну, на лыжне.

– На какой такой лыжне?

По-видимому, я пропустила что-то серьезное.

– Где ты была нынче утром? – спросил он, глядя на меня с таким выражением, словно я не в своем уме.

– В постели! Я поднялась всего минут пять назад. Теперь давай-ка с самого начала и объясни, о чем ты толкуешь. – Я вздрогнула, начав замерзать. – И пошли.

– Ну, тебе известно, как все теперь боятся забирать детей домой на Рождество? В Айдахо есть огромная лыжная база, где обычно отдыхают только члены королевских семей и богатые морои. Люди, которым она принадлежит, готовы предоставить ее студентам Академии, их родственникам и любому другому морю, который пожелает. Все соберутся в одном месте и, конечно, с целым сонмом стражей. Абсолютно безопасное место.

– Ты серьезно?

Мы добрались до гимнастического зала и, спасаясь от холода, вошли внутрь.

Мейсон энергично закивал.

– Правда-правда. Говорят, там изумительно. – Он улыбнулся – такой улыбкой, что я, как обычно, не смогла не ответить ему тем же. – Мы будем жить по-королевски, Роза. По крайней мере, неделю или около того. Отбываем сразу после Рождества.

Я замерла, взволнованная и ошеломленная. Чего-чего, а этого я никак не ожидала. Блестящая идея, которая позволит родственникам встретиться, не подвергая себя опасности. И в каком месте! На королевской лыжной базе. Я рассчитывала провести большую часть каникул, слоняясь по Академии и плясь

в ТВ с Лиссой и Кристианом, а теперь, оказывается, смогу пожить в условиях пятизвездочного отеля. Омары на обед. Массаж. Симпатичные лыжные инструкторы... Энтузиазм Мейсона оказался заразителен. Я чувствовала, как волна радостного возбуждения поднимается во мне, но...

Он смотрел мне в лицо и, конечно, заметил перемену.

– Что такое? Это же круто.

– Круто, – согласилась я. – И мне понятно, почему все в таком восторге. Однако вспомни, почему мы окажемся в этом фантастическом месте? Потому что погибли люди. В смысле, разве не дикость?

Жизнерадостность Мейсона тоже немного пошла на убыль.

– Да, но мы-то живы, Роза. Жизнь не останавливается, когда кто-нибудь умирает. И мы должны сделать все, чтобы и другие не погибли. Вот почему идея настолько хороша. Там безопасно. – Глаза у него снова засверкали. – Господи, я жду не дождусь, когда начну наконец по-настоящему работать. Когда я услышал, что произошло, мне хотелось одного – разорвать на части какого-нибудь стригоя. Жаль, нам не разрешают делать это уже сейчас. Почему, спрашивается? У них были помощники, а чем мы хуже? Мы уже обучены всему, что необходимо.

Возмущение в его голосе напомнило мне собственную вчерашнюю вспышку, хотя он разошелся не до такой степени, как я. Его жажда действий выглядела импульсивной и наивной, а мою породила странная, мрачная иррациональность, природу которой я до конца не понимала.

Видя, что я молчу, Мейсон удивленно посмотрел на меня.

– Ты разве не хочешь того же?

– Не знаю, Мейс. – Избегая его взгляда, я уставилась на носки собственных туфель. – В смысле, я не хочу, чтобы где-то расхаживали стригои, нападая на людей. И я хотела бы остановить их... теоретически... но... Знаешь, нам до готовности еще ой как далеко. Я видела, на что они способны. В общем, не знаю.

Вот так с ходу взять и ввязаться в борьбу... Нет, это не решение проблемы. – Я покачала головой.

Боже мой! Я рассуждала так логично, осмотрительно, я рассуждала, как Дмитрий.

– Ладно, не важно, поскольку ничего такого все равно не произойдет. Полагаю, нужно просто радоваться поездке.

Настроение Мейсона тут же снова улучшилось.

– Ага! И лучше постарайся вспомнить, как кататься на лыжах, потому что я призываю тебя там обломать рога моему эго. Хотя и не верю в твои силы.

Я снова улыбнулась.

– Парень, будет грустно, когда я заставлю тебя расплакаться. Меня уже гложет чувство вины.

Он открыл рот, без сомнения для очередного самоуверенного высказывания, но потом заметил что-то – или кого-то – у меня за спиной. Я оглянулась и увидела высокую фигуру Дмитрия, приближающегося к нам с другой стороны гимнастического зала.

Мейсон отвесил галантный поклон.

– Твой господин и повелитель. Найди меня позже, Хэзевей. И начинай разрабатывать свою лыжную стратегию.

Он открыл дверь и исчез в холодной мгле. Я развернулась и подошла к Дмитрию. Как и другие новички дампиров, я тратила половину своего школьного дня на обучение делу стража, будь то физические поединки или изучение повадок стригоев и способов защиты от них. Новички иногда практиковались и после занятий. Я, однако, находилась в уникальной ситуации. Я по-прежнему считала, что мы поступили правильно, сбежав из Святого Владимира. Виктор Дашков представлял собой слишком большую угрозу для Лиссы. Однако наши затянувшиеся каникулы имели определенные последствия. Я отсутствовала два

года и, естественно, пропустила множество занятий, поэтому школьное начальство решило, что я должна восполнить этот пробел с помощью дополнительных тренировок как до, так и после школы. С Дмитрием.

Они, конечно, понятия не имели, что одновременно я учусь преодолевать искушение. Однако, без учета моего влечения к нему, училась я быстро и уже почти нагнала других старшеклассников. Поскольку Дмитрий был без пальто, я поняла, мы будем работать в помещении – и порадовалась этому. Снаружи сегодня по-настоящему холодно. Однако эта моя радость оказалась несравнима с той, какую я почувствовала, увидев, что он подготовил в одной из тренировочных комнат.

У дальней стены стояли манекены, выглядевшие поразительно живыми. Не набитые соломой джутовые мешки, отнюдь нет. Там были мужчины и женщины в обычной одежде, с резиновой кожей, волосами и глазами разного цвета. Выражение их лиц тоже различалось – у одних довольное, у других испуганное или сердитое. Мне уже приходилось упражняться с этими манекенами, отрабатывая удары. Но я никогда не работала с ними с помощью того, что сейчас держал в руке Дмитрий: серебряного кола.

– Красивый... – с придыханием сказала я.

Он был идентичен тому, что я нашла в доме Бадика, и в нижней части имел рукоятку, почти как у кинжала, но без маленьких боковых украшений. На этом сходство с кинжалом заканчивается. Кол имеет не плоское лезвие, а толстую, округлую центральную часть в виде сужающегося к кончику стержня – типа сосульки. Он короче моего предплечья.

Дмитрий небрежно прислонился к стене – поза, которая всегда замечательно ему удавалась, несмотря на рост почти шесть-семь[1 - Имеется в виду шесть футов семь дюймов. (Здесь и далее прим. перев.)]. Одной рукой он подбросил кол в воздух, тот пару раз перевернулся и полетел вниз. Дмитрий подхватил его за рукоятку.

– Пожалуйста, скажи, что сегодня я буду работать с ним, – взмолилась я.

В темной глубине его глаз вспыхнули веселые искорки. Думаю, иногда ему бывало нелегко сохранять рядом со мной суровость.

– Считай, это удача, если сегодня я дам тебе хотя бы поддержать его, – заявил он и снова подбросил кол.

Следя за колом жаждущим взглядом, я хотела сказать, что уже держала один в руках, но пони мала, такая логическая цепочка никуда меня не приведет. Вместо этого я бросила рюкзак на пол, скинула пальто и с видом терпеливого ожидания скрестила на груди руки. На мне были свободные, завязанные на талии штаны и безрукавка с капюшоном; темные волосы крепко стянуты в «конский хвост». Я была готова ко всему.

– Хочешь, чтобы я рассказала, как они устроены и почему я всегда должна быть осторожна с ними? – спросила я.

Дмитрий перестал подбрасывать кол и посмотрел на меня.

– Перестань! – Я засмеялась. – Неужели ты думаешь, что к этому времени я уже не поняла, как ты работаешь? Мы же занимаемся почти три месяца. Ты всегда заставляешь меня рассуждать о безопасности и ответственности, прежде чем мы приступим к чему-то интересному.

– Понимаю. Ну, по-моему, ты все верно вычислила. Тем временем продолжим урок. Я просто подожду, пока снова потребуется мое участие.

Он сунул кол в свисающие с пояса ножны и удобно прислонился к стене, засунув руки в карманы. Я ждала, думая, что он шутит, но он молчал, и до меня дошло значение его слов. Я пожала плечами и начала говорить:

– Серебро, если в него вложено достаточно силы, всегда оказывает мощное воздействие на любое магическое создание – либо помогает, либо вредит. Эти колья очень могущественны, потому что изготовлены четырьмя морями, использующими все стихии в процессековки. – Внезапно мне в голову пришла одна мысль. – Ну, за исключением духа. Поэтому такой кол заряжен... под завязку. И хотя с его помощью отрубить голову стригою нельзя, он может убить его, если пронзить сердце.

– А тебе он может повредить?

Я покачала головой.

– Нет. В смысле... да, если пронзить сердце, но в иных обстоятельствах он не может причинить мне такой вред, как морою. Поцарапай морю таким колом, он получит сильный удар – однако не такой сильный, как стригой. Людям они тоже не могут причинить вреда.

Я остановилась и рассеянно перевела взгляд на окно за спиной Дмитрия. Изморозь искрящимся кристаллическим узором покрывала стекло, но я ее практически не замечала. Упоминание о людях в контексте колов напомнило мне о доме семьи Бадики. В сознании снова вспыхнули картины крови и смерти.

Увидев, что Дмитрий наблюдает за мной, я выбросила эти мысли из головы и продолжила урок. Время от времени Дмитрий кивал или задавал уточняющие вопросы. Время шло, я все ждала и ждала, когда он наконец велит мне заканчивать и можно будет перейти к работе с манекенами. Однако до конца занятия оставалось всего десять минут, когда он подвел меня к одному из них – мужчине со светлыми волосами и эспаньолкой. Дмитрий достал кол из ножен, но мне его не отдал.

– Куда нужно вонзить его? – спросил он.

– В сердце, – раздраженно ответила я. – Я уже сто раз отвечала на этот вопрос. Могу я наконец взять кол в руки?

На его губах мелькнула улыбка.

– А где оно, сердце?

Я удивленно посмотрела на него, как бы спрашивая: «Ты это всерьез?» В ответ он лишь пожал плечами. Преувеличенно мелодраматическим жестом я ткнула в левую сторону груди манекена. Дмитрий покачал головой.

– Нет, сердце не там, – сказал он.

– Конечно там! Люди прикладывают руку к сердцу, когда приносят клятву верности или поют национальный гимн.

Он продолжал молча смотреть на меня. Я повернулась к манекену и внимательно оглядела его. Где-то в глубине сознания зашевелилось воспоминание об обучающем плакате, изображающем, как нужно держать руки, когда наносишь удар колом. Я похлопала по центру груди манекена.

– Здесь?

Он дугой выгнул бровь. Обычно я от этого балдею, но сейчас испытала лишь раздражение.

– Не знаю, – ответил он. – Здесь?

– Я тебя об этом и спрашиваю!

– Ты не должна меня спрашивать. Вы что, не изучаете физиологию?

– Изучаем. На предпоследнем курсе. Но у меня были «каникулы», помнишь? – Я кивнула на блестящий кол. – Пожалуйста, можно мне хотя бы дотронуться до него?

Он снова подбросил кол, ярко вспыхнувший в свете ламп, и убрал его в ножны.

– Я хочу, чтобы на следующем занятии ты показала мне, где находится сердце. Точно. И еще я хочу знать, что препятствует добраться до него.

Я бросила на него самый яростный взгляд, на который оказалась способна, для чего, судя по выражению его лица, у меня не было никаких оснований. В девяти из десяти случаев я воспринимала Дмитрия как самого сексапильного мужчину на свете, но бывали и особые случаи...

Затем я отбыла на урок рукопашного боя, в самом скверном настроении. Мне не нравится выглядеть некомпетентной в глазах Дмитрия, и я очень, ну просто очень хотела поработать с колом. Поэтому на тренировке я изливала свое раздражение, во все стороны раздавая тумаки руками и ногами. К концу занятия уже никто не хотел драться со мной. Ненароком я так сильно ударила Мерedit – одну из немногих девочек в моем классе, – что она почувствовала удар даже сквозь наколенник. Ясное дело, вскоре на этом месте у нее появится

безобразный синяк; она смотрела на меня с таким видом, будто я сделала это нарочно. Я извинилась, но без толку.

Позже Мейсон снова нашел меня.

– О господи! – сказал он, вглядываясь в мое лицо. – Кто же это тебя так приложил?

Я изложила ему историю с серебряным колом и поисками расположения сердца. К еще большему моему раздражению, он рассмеялся.

– Как это ты не знаешь, где находится сердце? В особенности, учитывая, сколько ты их разбила?

Я бросила на него такой же яростный взгляд, что и на Дмитрия. На этот раз он сработал. Мейсон побледнел.

– Беликов отвратительный, злобный человек, и его нужно бросить в яму с бешеными гадюками за то ужасное оскорбление, которое он нанес тебе сегодня.

– Спасибо, – поджав губы, сказала я и... задумалась: – Могут ли гадюки быть бешеными?

– Не вижу причин, почему бы и нет. Все могут, так мне кажется. – Он открыл для меня дверь в коридор. – Хотя... канадские гуси могут быть хуже гадюк.

– Канадские гуси смертоноснее гадюк?

– Ты когда-нибудь пробовала кормить этих маленьких поганцев? – Он пытался говорить серьезно, но у него ничего не получалось. – Они жуть какие злые. Если бросить тебя гадюкам, ты умрешь быстро. Но гуси? Это может затянуться на несколько дней. Гораздо мучительнее.

– Здорово! Прямо не знаю, что мне делать – удивляться или дрожать от страха, слушая тебя.

– Просто пытаюсь предложить творческий подход к тому, как постоять за свою честь, вот и все.

– Ты никогда не производил на меня впечатления творческой личности, Мейс.

Мы стояли рядом с нашей классной комнатой. Выражение лица Мейсона было легкомысленное и шутливое, однако, когда он заговорил, в его голосе определенно зазвучали двусмысленные нотки.

– Роза, когда я рядом с тобой, во мне всегда пробуждается творческое начало.

Я все еще хихикала по поводу гадюк, но тут резко оборвала себя и удивленно посмотрела на него. Я всегда считала Мейсона симпатичным, но с этим серьезным, жаждущим выражением в глазах он впервые показался мне по-настоящему сексуальным.

– Ох, вы только гляньте! – смеялся он, застав меня врасплох. – Роза, потерявшая дар речи. Эшфорд – Хэзевей, один-ноль.

– Эй, я просто не хочу, чтобы ты начал лить слезы еще до поездки. Это не забавно – если я сломаю тебя до того, как мы окажемся на лыжной трассе.

Он засмеялся, и мы вошли в класс. Начался урок теории, посвященный работе телохранителя, и проходил он в обычном классе, а не на учебном плацу. Хотя немного отдохнем от всех этих физических упражнений. Сегодня здесь были три стража не из подразделения школы. Приехали на каникулы, осознала я. Родители со своими стражами уже начали съезжаться в кампус, чтобы сопровождать детей на лыжную базу. Мое любопытство мгновенно проснулось.

Один из гостей оказался очень высоким и выглядел лет на сто, но, похоже, все еще мог постоять и за себя, и за других. Второй был примерно возраста Дмитрия, с очень темной кожей и так прекрасно сложен, что некоторые девушки в классе, похоже, готовы были потерять голову. Третьим стражем оказалась женщина. Вьющиеся темно-рыжие волосы коротко острижены, карие глаза задумчиво сощурены. Как я уже говорила, многие женщины-дампире предпочитают растить детей, а не идти по тропе стражей. Поскольку я сама была одной из немногих женщин в нашей профессии, для меня всегда волнительно – встретить других таких же. Вроде Тамары.

Только это была не Тамара. Это был кто-то, кого я знала на протяжении многих лет, кто вызывал у меня любые чувства, кроме гордости и восхищения. Вместо этого я испытывала негодование. Негодование, злость и жгучий гнев. Женщина, стоящая перед учениками, была моя мать.

Четыре

Я глазам своим не верила. Джанин Хэзевей. Моя мать. Моя безумно знаменитая и постоянно отсутствующая мать. Она, конечно, не Артур Шунберг, но в мире стражей имела выдающуюся репутацию. Я не видела ее годами, она всегда пропадала где-то, выполняя очередную безумную миссию. И тем не менее... сейчас она здесь, в Академии... прямо передо мной... и даже не потрудились предупредить меня о своем приезде. Вот уж поистине материнская любовь. Какого черта она здесь делает? Ответ пришел быстро. Все морои прибыли в кампус в сопровождении своих стражей. Мать защищала аристократа из клана Селски, и некоторые члены этой семьи уже приехали в связи с каникулами. Конечно, она здесь с ним.

Я уселась на свое место, чувствуя, как внутри что-то съеживается, стараясь казаться незаметным. Я знала, она наверняка заметила мое появление – хотя ее внимание было сосредоточено на чем угодно, только не на мне. На ней были джинсы и серовато-желтая футболка, а поверх куртка из грубой хлопчатобумажной ткани; скучнее наряда мне в жизни видеть не приходилось. Ростом всего пять футов, она казалась миниатюрной рядом с другими стражами, но осанка и то, как она стояла, заставляли ее казаться выше.

Наш инструктор Стэн представил гостей и заявил, что они пришли поделиться с нами своим опытом.

– Я знаю, это необычно. У приезжающих с визитом стражей, как правило, нет времени заглянуть в учебные классы. Наши три гостя, однако, сочли важным поговорить с вами в свете случившихся событий... – Стэн помолчал.

Все поняли, что он имел в виду. Нападение на семью Бадика. Он прочистил горло и продолжил:

– Мы пришли к выводу, что этот разговор поможет вам лучше подготовиться к работе в полевых условиях.

Класс взволнованно замер. Слушать рассказы – в особенности тех, кто прошел через кровь и реальную борьбу, – интереснее, чем изучать теорию по учебнику. По-видимому, некоторые стражи придерживались того же мнения. Они часто заглядывают на наши уроки, но сегодня их заметно больше обычного. Позади стоял Дмитрий.

Пожилой мужчина начал первым. Его история захватила меня. Он описывал случай, когда младший сын семьи, которую он охранял, заблудился в общественном месте, куда прокрались стригои.

– Солнце клонилось к закату. – Он сделал руками движение сверху вниз, по-видимому демонстрируя заход солнца. – Нас было всего двое, и следовало быстро принять решение, как действовать дальше.

Опершись локтями о стол, я наклонилась вперед. Стражи часто работают парами. Один – так называемый ближний – держится около охраняемых, а другой – дальний – разведывает обстановку. Дальний обычно должен оставаться на расстоянии прямой видимости, поэтому я сразу поняла, в чем состояла дилемма. Я решила, что в подобной ситуации действовала бы так: ближний страж отвел бы остальных членов семьи в безопасное место, а второй отправился бы на поиски мальчика.

– Семья оставалась в ресторане с моим партнером, а я осматривал все вокруг, – продолжал старый страж, широко раскинув руки, и я почувствовала удовлетворение оттого, что угадала.

История окончилась хорошо, парнишку нашли, столкновения со стригоями удалось избежать.

Второй парень рассказал, как он случайно наткнулся на стригоя, скрытно преследующего некоего мороя.

– В тот момент я даже не находился на дежурстве. – Парень был по-настоящему привлекательный, и сидящая рядом со мной девушка смотрела на него

восхищенным взглядом широко распахнутых глаз. – Я отправился в гости к другу и к семье, которую тот охранял. И вот, уходя от них, я заметил затаившегося в тени стригоя. Я описал круг, зашел ему за спину и...

Он сделал колющее движение – более драматическое, чем жесты старого стража. Он даже продемонстрировал, как поворачивал кол в сердце стригоя. Потом настала очередь моей матери. Не успела она произнести первое слово, как я сердито нахмурилась, и эта хмурость лишь возросла, когда она начала историю. Клянусь, если бы я не думала, что у нее просто не хватит воображения выдумать все – а ее выбор одежды доказывал полное отсутствие воображения, – я решила бы, что она лжет. Это был не просто рассказ, подлинная эпопея – вроде тех, за которые в кино получают Оскара.

Она рассказывала, как ее подопечный лорд Селски и его жена присутствовали на балу, организованном другой известной королевской семьей. Несколько стригоев залегли в ожидании. Мать обнаружила одного, быстро проткнула его колом и подняла тревогу. С помощью других стражей она нашла остальных затаившихся стригоев и большинство из них прикончила сама.

– Это было нелегко, – рассказывала она.

Из уст кого-нибудь другого это прозвучало бы как бахвальство, но от нее... нет. Она говорила отрывисто, кратко, просто излагала факты, не оставляя места для преувеличений. Она выросла в Глазго, в ее речи по-прежнему ощущалась шотландская напевность.

– В помещении их было еще трое. По тем временам три стригоя, действующих вместе, – целая банда. Сейчас такого не скажешь – учитывая резню в семействе Бадика. – Некоторые вздрогнули, услышав небрежное упоминание о трагедии, а перед моим внутренним взором вновь возникли несчастные жертвы. – Мы собирались уничтожить оставшихся стригоев как можно быстрее и тише – чтобы каждый из них не успел предупредить других. Теперь, если фактор неожиданности на вашей стороне, лучший способ прикончить стригоя – это обойти его сзади, сломать шею и проткнуть колом. Когда ломаешь ему шею, это, конечно, не убивает, но ошеломляет и позволяет проткнуть его колом до того, как он успеет поднять шум. Самое трудное – проскользнуть ему за спину, ведь у них потрясающе острый слух. Поскольку я миниатюрнее и легче большинства стражей, я могу передвигаться совсем тихо. Поэтому двух из трех оставшихся прикончила сама.

Она и свои убийственные навыки описывала сухим, прозаическим тоном. Лица одноклассников, однако, светились изумлением, их явно гораздо больше заинтересовала сама история, чем манеры моей матери. Она продолжала рассказ. Когда она и другие стражи убили оставшихся стригоев, выяснилось, что два мороя исчезли. Такое поведение считалось необычным для стригоев. Иногда они приберегали мороя, надеясь «полакомиться» им позже. Порой стригоя низкого ранга посылали за жертвой. Как бы то ни было, два мороя исчезли, а их стражи оказались тяжело ранены.

– Естественно, мы не могли оставить мороев в когтях стригоев, – продолжала мать. – Мы проследили стригоев до самого их убежища и выяснили, что они живут вместе. Уверена, вы понимаете, какая это большая редкость. Злобная, эгоистичная натура стригоев вынуждает набрасываться друг на друга с такой же легкостью, как на жертв. Организовать нападение, выбрав цель, – лучшее, на что они способны. Но жить вместе? Нет. Подобное даже представить себе невозможно.

– Мы сумели освободить двух заложников и тут выяснили: в плену держат и других, – рассказывала моя мать. – Отпустить спасенных мороев, чтобы добирались домой самостоятельно, мы не могли, поэтому стражи отправились с ними, а меня оставили разбираться с остальными.

«Да, конечно», – подумала я.

Моя мать храбро ринулась в бой в одиночку. Ее схватили, но она сумела сбежать и спасти пленников. При том она совершила хет-трик[2 - Хет-трик – спортивный термин: три гола, забитые одним игроком за одну игру.] столетия, убив стригоев всеми тремя способами: проткнула колом, обезглавила и спалила огнем.

– Я только что проткнула одного стригоя колом, когда на меня напали двое других, – объясняла она. – У меня не было времени выдернуть кол. По счастью, рядом находился открытый камин, и я толкнула одного стригоя в огонь. Последний догнал меня снаружи, в старом сарае. Там внутри нашелся топор, им я и отрубила ему голову. Потом взяла канистру с бензином и вернулась в дом. Тот, кого я толкнула в камин, сгорел не полностью. Я плеснула на него бензином, и вскоре все было кончено.

Класс внимал ей с благоговейным ужасом. Рты открыты. Глаза вытаращены. Ни звука. Я оглянулась; возникло ощущение, будто время остановилось для всех, кроме меня. Видимо, я была единственной, на кого душераздирающий рассказ не произвел впечатления, и выражение благоговения на всех лицах разозлило меня. Когда она закончила, вверх взлетело множество рук – класс засыпал ее вопросами о технических приемах, о том, боялась ли она, и так далее. После вопросов десяти мое терпение иссякло. Я подняла руку. Прошло какое-то время, прежде чем она заметила ее и назвала меня. Сильно удивленной моим присутствием в классе она не выглядела. Я подумала: мне здорово повезло, если она вообще узнала меня.

– Страж Хэзевей, – начала я. – Почему вы просто в самом начале не обезопасили помещение?

Она нахмурилась. Я подумала, что она в какой-то мере утратила свою бдительность, вызывая меня.

– О чем ты?

Я пожала плечами и снова плюхнулась на парту, попытавшись придать себе непринужденный вид.

– Ну, не знаю. У меня возникло чувство, будто вы напортачили. Почему было не обыскать тщательно все помещение и не удостовериться, что там нет стригоев? По-моему, вы избавили бы себя от многих неприятностей.

Все взгляды обратились на меня. На мгновение мать утратила дар речи.

– Если бы мы не прошли через все эти «неприятности», по миру расхаживали бы еще семь стригоев и те два плененных мороя были бы мертвы или обращены.

– Да-да, я понимаю, вы спасли положение и все такое, но я говорю о принципах. В смысле, это же урок теории, верно?

Я глянула на Стэна, сверлившего меня яростным взглядом. У нас с ним была долгая, не слишком приятная история столкновений в классе, и я сильно подозревала, что сейчас мы оказались на грани очередной схватки.

– Просто хочу понять, что пошло не так в самом начале, – настаивала я.

Нужно отдать должное моей матери – она несравненно лучше владела собой, чем я. Если бы мы с ней поменялись ролями, я подошла бы и хорошенько шлепнула дерзкую девчонку. Ее же лицо сохраняло полнейшее спокойствие, и только напряженность губ свидетельствовала о том, что я ее достала.

– Не все так просто, – ответила она. – Здание имело сложную планировку. Еще до начала мы прошли по нему и никого не обнаружили. По-видимому, стригои проникли туда после того, как празднество началось, – или там имелись скрытые переходы и комнаты, о которых мы не знали.

Идея скрытых переходов заставила класс заохать и заахать, но я по-прежнему не была удовлетворена.

– Выходит, сказанное вами означает следующее: либо вы проглядели их во время первого осмотра, либо ваша охрана была на таком уровне, что они смогли обойти ее во время празднества. И так и эдак кто-то из вас облажался, что ни говори.

Она еще плотнее поджала губы, в голосе отчетливо зазвучала холодность.

– Мы оказались в экстремальной ситуации и сделали лучшее, что могли. Вполне допускаю, человек твоего уровня не способен уловить всю сложность описанной ситуации, но попытайся выйти за пределы теоретических рассуждений и поймешь, как трудно в реальности, да еще когда от тебя зависит жизнь множества других.

– Не сомневаюсь, – согласилась я. – Кто я такая, чтобы подвергать сомнению ваши методы? В смысле, все, что угодно, лишь бы получить еще один знак молнии, верно?

– Мисс Хэзевей, – низкий голос Стэна пророкотал по притихшей комнате, – пожалуйста, возьми свои вещи и оставшуюся часть урока подожди снаружи.

Я недоуменно уставилась на него.

– Вы серьезно? С каких пор плохо – задавать вопросы?

– Твоя позиция – вот что плохо. – Он указал на дверь. – Уходи.

Наступившая тишина была тяжелее и глубже, чем во время рассказа матери. Я изо всех сил старалась не съеживаться под взглядами новичков и стражей. Это не первый случай, когда Стэн выставлял меня из класса. Это даже не первый случай, когда Стэн выставлял меня из класса на глазах у Дмитрия. Повесив рюкзак на плечо, я прошла короткое расстояние до двери – расстояние, которое казалось длиной в тысячу миль, – и дальше, мимо матери, избегая ее взгляда.

Примерно за пять минут до конца урока она вышла из класса и направилась прямо туда, где я сидела в коридоре. Глядя на меня сверху вниз, она уперла руки в боки – та вызывающая раздражение поза, которая заставляла ее казаться выше. Для того, кто на полфута ниже ее, это было нечестно – заставлять меня чувствовать себя такой маленькой.

– Ну, как я понимаю, твои манеры с годами не улучшились.

Я встала, чувствуя, что мне все-таки удалось вывести ее из себя.

– Я тоже рада тебя видеть. Просто удивительно, как ты вообще узнала меня. Фактически я думала, ты даже не помнишь о моем существовании, учитывая, что ты не потрудилась сообщить мне о своем приезде.

Теперь она скрестила руки на груди, став еще более невозмутимой.

– Я не могла пренебрегать своим долгом и нянчиться с тобой.

– Нянчиться? – переспросила я.

Эта женщина в жизни не нянчила меня. Удивительно, что она вообще знала это слово.

– Трудно рассчитывать на твое понимание. По дошедшим до меня слухам, ты плохо представляешь себе, что такое долг.

– Я точно знаю, что это такое, – возразила я, намеренно высокомерно. – Лучше многих людей.

Ее глаза расширились в притворном удивлении. Я не раз видела подобное саркастическое выражение на лицах людей и отнюдь не радовалась, когда оно оказывалось направленным на меня.

– Ох, правда? Где ты провела последние два года?

– А где ты провела последние пять? Ты бы в жизни не узнала, что я сбежала, если бы тебе случайно не сообщили об этом.

– Не сваливай с больной головы на здоровую. Я отсутствовала, потому что так было нужно. Ты отсутствовала из желания шататься по магазинам и поздно ложиться спать.

Моя обида и замешательство переплавились в ярость. Видимо, мне никогда не искупить последствия нашего с Лиссой побега.

– Ты понятия не имеешь, почему я сбежала! – сказала я, повысив голос. – И ты не имеешь права высказывать какие бы то ни было предположения о моей жизни, поскольку тебе о ней ничего не известно.

– Я читала отчеты о том, что произошло. У тебя были основания для беспокойства, но действовала ты неправильно. – Ее слова звучали формально и жестко, она хорошо смотрелась бы на месте нашей учительницы. – Нужно было просто обратиться за помощью.

– Не к кому мне было обратиться, поскольку я не имела твердых доказательств. Кроме того, нас всегда учили думать самостоятельно.

– Да. С ударением на слове «учили». Учебой ты была обделена на протяжении двух лет. Вряд ли ты можешь читать мне лекции насчет правил поведения стража.

Я постоянно втягиваюсь во всякие споры, что-то в моей натуре мешает мне избегать их. Поэтому я привыкла защищаться и выслушивать оскорбления. Я

толстокожая. Но почему-то, находясь рядом с ней, – в тех редких случаях, когда я находилась рядом с ней, – я чувствовала себя почти трех лет от роду. Ее позиция унижала меня, а упоминание о пропущенных занятиях – очень болезненная тема – заставляло чувствовать себя еще хуже. Я скрестила руки на груди в попытке имитировать ее позу и ухитрилась самодовольно улыбнуться.

– Да? Ну, мои учителя так не думают. Несмотря на пропущенное время, я догнала своих одноклассников.

Она ответила не сразу; в конце концов ровным голосом она произнесла:

– Если бы ты не сбежала, то, возможно, превзошла бы их.

Развернувшись четко, по-военному, она зашагала по коридору. Спустя минуту зазвонил звонок, и в коридор с урока Стэна высыпали ученики.

После этого даже Мейсону не удалось развеселить меня. Остальную часть дня я провела в состоянии раздражения и злости, уверенная, что все перешептываются о матери и обо мне. Пропустив ланч, я отправилась в библиотеку за книгами по физиологии и анатомии. Когда пришло время занятий с Дмитрием после уроков, я практически сразу же бросилась к манекену и кулаком ткнула его в грудь, чуть-чуть влево, но ближе к середине.

– Здесь, – сказала я. – Сердце здесь, ограждено грудиной и ребрами. Можно мне теперь получить кол?

Скрестив на груди руки, я устремила на него победоносный взгляд, ожидая, что на меня обрушится град похвал. Но Дмитрий просто кивнул в знак подтверждения с таким видом, словно мне и прежде следовало знать это. И да, следовало.

– А как ты преодолеешь грудь и ребра? – спросил он.

Я вздохнула. Только ответишь на один вопрос, тут же возникает другой. Типично.

Большая часть занятия была посвящена этому. Он продемонстрировал несколько технических приемов, с помощью которых легче всего убивать. Его движения выглядели изящными и смертоносными одновременно. Казалось, они не требуют от него никаких усилий, но я понимала, что это не так.

Когда внезапно он протянул мне кол, до меня сначала даже не дошло.

– Ты даешь его мне?

Темные глаза сверкнули.

– Просто глазам своим не верю! Ты проявляешь сдержанность? А я-то думал, ты тут же схватишь и заработаешь им.

– Разве не ты учишь меня проявлять сдержанность? – парировала я.

– Не всегда.

– Но в отношении некоторых вещей.

Я услышала подтекст в произнесенных мною же словах и удивилась, откуда он возник. Я уже давно смирилась с существованием множества причин, по которым нельзя даже думать о Дмитрие в романтическом ключе. Время от времени я как бы забывалась и в глубине души хотела, чтобы и с ним такое происходило. Было бы приятно почувствовать, что он все еще хочет меня. Сейчас я подумала, что вряд ли я до сих пор свожу его с ума. И эта мысль нагнала тоску.

– Конечно. – Всем своим видом он демонстрировал, что мы обсуждаем исключительно проблемы обучения. – Равновесие. Понимание, когда можно бежать вперед, а когда лучше постоять на месте.

Он в особенности подчеркнул последние слова. На мгновение наши глаза встретились, и меня словно пробило электрическим током. Он понимал, о чем я говорила. Но, как всегда, игнорировал подтекст, оставаясь моим учителем. Вздохнув, я выбросила из головы мысли о нем и напредила себе, что вот-вот прикоснусь к оружию, о котором мечтала с детства. Тут же вернулись воспоминания о доме Бадики, где побывали стригои. Пора сосредоточиться.

Неуверенно, почти благоговейно я протянула руку и сомкнула пальцы на рукоятке. Металл оказался холодным, от соприкосновения с ним кожа ощущала легкое покалывание. На рукоятке он был вытравлен для удобства, но, проведя пальцем по остальной части, я почувствовала, что поверхность гладкая как стекло. Я взяла кол и поднесла поближе к себе, внимательно разглядывая и привыкая к его тяжести. Беспокойная часть меня хотела развернуться и пронзить один манекен за другим, но я посмотрела на Дмитрия и спросила:

– Что я должна сделать сначала?

В характерной для него манере он еще раз повторил основы – то, как нужно держать кол и двигаться с ним. И потом наконец позволил мне атаковать один манекен, и тут-то я и поняла, какие усилия потребуются в такой схватке. Эволюция поступила очень умно, защитив сердце грудиной и ребрами. Дмитрий ни на мгновение не утратил терпения и усердия, старательно проводя меня через все этапы и поправляя в самых мелких деталях.

– Всаживай его между ребрами и вверх, – объяснял он, глядя, как я пытаюсь просунуть кончик кола через щель в костях. – Так будет легче, потому что ты окажешься ростом ниже большинства своих противников. Плюс можешь воткнуть кол под нижний край ребер.

По окончании занятия он забрал у меня кол и одобрительно кивнул.

– Хорошо. Очень хорошо.

Я удивленно посмотрела на него. Обычно он не склонен расточать похвалы.

– Правда?

– Ты действовала так, словно тренировалась годами.

Когда мы покидали тренажерный зал, я не смогла сдержать счастливой улыбки. Уже у самой двери я заметила манекен с вьющимися рыжими волосами. Внезапно все, что произошло сегодня на уроке Стэна, тяжело обрушилось на меня. Я нахмурилась.

– Можно, в следующий раз я проткну вот этого?

Дмитрий надел пальто – длинное, коричневое, кожаное. Оно очень напоминало ковбойский пыльник, хотя он в жизни не признал бы этого. Он тайно восхищался Диким Западом. Я никогда не понимала этого, но, с другой стороны, его музыкальные предпочтения тоже казались мне странноватыми.

– Не думаю, что оно того стоит, – ответил он.

– Но все же лучше, чем если бы на его месте оказалась она, – проворчала я, вешая рюкзак на плечо.

Мы покинули гимнастический зал.

– Насилие не решит твои проблемы, – глубокомысленно заявил он.

– Она – одна из этих проблем. И мне казалось, весь смысл моего обучения в том, что насилие и есть решение.

– Только по отношению к тем, кто сам так поступает с тобой. Твоя мать не нападает на тебя. Вы с ней просто слишком похожи, вот и все.

Я остановилась.

– Я ничуть не похожа на нее! В смысле... ну у нас одинаковые глаза. Но я гораздо выше. И волосы у меня совсем другие.

Я дернула себя за «конский хвост», просто на тот случай, если он забыл, что у меня густые, почти черные волосы, а у матери темно-рыжие кудри.

Его как будто забавляла беседа, но взгляд оставался твердым.

– Я говорю не о внешности, и ты понимаешь меня.

Я отвернулась, избегая его взгляда. Меня потянуло к Дмитрию почти сразу же, как мы впервые встретились, – и не потому, что он хорош, нет. Я почувствовала,

он понимает во мне нечто такое, чего я не понимаю сама, а иногда сама была уверена, что понимаю в нем то, чего он не понимает сам. Единственная проблема – он имел досадную склонность указывать на то, что я не хотела видеть.

– Думаешь, я завидую и ревную?

– Ты? – переспросил он; терпеть не могу, когда он отвечает вопросом на вопрос. – Если да, то чему точно ты завидуешь?

Я посмотрела на него.

– Не знаю. Может, завидую ее репутации. Может, ревную, потому что она уделяет своей репутации гораздо больше времени, чем мне. Не знаю.

– По-твоему, она не совершила ничего выдающегося? В том деле, о котором рассказывала?

– Да. Нет. Не знаю. Это просто... словно она хвасталась. Ради славы. – Я состроила гримасу. – Ради знаков отличия.

Знаки молнии – татуировка, которой вознаграждается страж, убивший стригоя. Каждый такой знак выглядит словно крошечные, перекрещивающиеся в форме буквы «Х» молнии. Они наносятся на шее сзади и являются показателем опыта.

– По-твоему, встретиться лицом к лицу со стригоями стоит нескольких знаков? Я думал, увиденное в доме Бадика чему-то научило тебя.

Я почувствовала себя ужасно глупо.

– Я совсем не то...

– Ага.

Я остановилась.

– Что?

До сих пор мы шли в сторону моего корпуса, но сейчас он кивнул в противоположном направлении.

– Я хочу показать тебе кое-что.

– Что?

– Не все знаки – символы славы.

Пять

Я понятия не имела, о чем Дмитрий толкует, но послушно пошла за ним. К моему удивлению, он вывел меня за пределы кампуса, в лес. Академии принадлежит много земель, и далеко не все они используются в целях обучения. Мы находились в отдаленном районе Монтаны, и временами казалось, будто школа едва сдерживает наступление дикой природы. Мы шли по глубокому, нетронутому снегу, хрустящему под ногами. Несколько птиц порхали вокруг, пением приветствуя восходящее солнце, но в основном нас окружали лишь высокие, покрытые снегом вечнозеленые деревья. Не отставать от Дмитрия было нелегко, в особенности с учетом глубокого снега вокруг. Вскоре я увидела впереди что-то темное, похоже здание.

– Что это? – спросила я.

Однако еще до того, как он ответил, я поняла – перед нами небольшая, сложенная из бревен хижина. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что бревна старые и в некоторых местах прогнившие, а крыша слегка провисла.

– Старая караульная будка, – пояснил Дмитрий. – Раньше стражи жили тут, на краю кампуса.

– А почему теперь не живут?

– Теперь их слишком мало для этого. Кроме того, морои окружили кампус защитной магией, и, по общему мнению, дополнительной охраны не требуется. При условии, что никакие люди не разрушат эти защитные кольца.

Несколько секунд я развлекала себя надеждой, будто Дмитрий решил устроить нам небольшой романтический «отпуск». Потом с противоположной стороны домика донеслись голоса. В голове возникло знакомое ощущение жужжания. Там была Лисса. Мы с Дмитрием обогнули дом, и нам открылась удивительная сцена. Кристиан с Лиссой катались на коньках по льду небольшого озера. С ними была незнакомая мне женщина, спиной ко мне. Я могла видеть лишь волну угольно-черных волос, взметнувшихся над головой, когда она, грациозно развернувшись, остановилась.

Увидев меня, Лисса улыбнулась.

– Роза!

Услышав возглас, Кристиан глянул на меня через плечо с таким видом, словно я помешала их романтическому свиданию. Лисса неуклюжими шагами подошла к краю озера, она не очень-то хорошо катается на коньках. Я лишь таращилась на них, испытывая недоумение – и ревность.

– Спасибо, что пригласила и меня на эту тусовку.

– Я подумала, ты слишком занята, – сказала она. – И между прочим, это секрет. Нам нельзя находиться здесь.

Я и сама знала об этом.

Кристиан подкатился к ней, вслед за ним и незнакомая женщина.

– Ты привел «зайца», Димка? – спросила она.

Я не понимала, к кому она обращается, пока Дмитрий не рассмеялся в ответ. Такое происходило нечасто, и мое удивление возросло.

– Невозможно удержать Розу вдали от тех мест, где ей не следует находиться. В конце концов она всегда находит их самостоятельно.

Женщина улыбнулась, повернулась, перекинула длинные волосы на одно плечо, и внезапно я полностью увидела ее лицо. Я и так была вся в напряжении, а тут мне понадобилось взять себя в руки, чтобы не среагировать. Лицо у нее было в форме сердца, а большие глаза в точности того же оттенка, что у Кристиана, – бледно-голубые, холодные. Улыбающиеся губы более изящные, красивые и подкрашены розовой помадой того оттенка, который выгодно оттенял остальные черты лица. Однако поперек левой щеки, некогда гладкой, белую кожу вспучивал багровый шрам. По форме он выглядел так, словно кто-то укусил ее и вырвал часть щеки. Что, поняла я, и произошло на самом деле.

Я сглотнула, внезапно поняв, кто это. Тетя Кристиана. Когда его родители стали стригоями, они пришли за ним, рассчитывая спрятать его и тоже превратить в стригоя, когда он подрастет. Всех деталей я не знаю, но мне было известно, что тетя пыталась отбить их нападение. Однако, как я уже говорила, стригои беспощадны. Она сумела отвлечь их, пока не прибыли стражи, но при этом пострадала сама.

Она протянула мне затянутую в перчатку руку.

– Таша Озера. Я много слышала о тебе, Роза.

Я бросила на Кристиана сердитый взгляд, и Таша рассмеялась.

– Не беспокойся, – сказала она. – Только хорошее.

– Вовсе нет, – возразил он.

Она в раздражении покачала головой.

– Честно, я понятия не имею, где он набрался таких дурных манер. Уж не от меня точно.

«Это очевидно», – подумала я.

– Что вы тут делаете? – спросила я.

– Я хотела провести время с этими двумя. – Ее лоб пересекла еле заметная хмурая складка. – Но по правде говоря, мне не нравится болтаться рядом со школой. Здесь отнюдь не все такие уж гостеприимные...

Сначала я не сообразила, о чем она. Школьные чиновники обычно просто расшибаются в лепешку, когда приезжают представители королевских семей. Но потом до меня дошло.

– Это из-за... Из-за того, что произошло...

Учитывая, как все обращались с Кристианом из-за его родителей, не следовало удивляться, что его тетя столкнулась с точно такой же дискриминацией.

– Так уж оно есть. – Таша потерла ладони и выдохнула, ее дыхание образовало в воздухе морозное облачко. – Давайте не будем торчать здесь – мы же можем разжечь внутри огонь.

Я бросила последний тоскующий взгляд на замерзшее озеро и пошла вслед за остальными в дом. Там было пусто, пыльно, грязно... и всего одна комната. В углу стояла ничем не прикрытая узкая кровать; на стенах висели несколько полок, где, по-видимому, когда-то держали запасы продовольствия. Однако тут имелся камин, и вскоре в нем запылал огонь, быстро согревший небольшое пространство. Мы все уселись перед ним, и Таша достала мешок маршмэллоу[3 - Маршмэллоу – суфле из кукурузного сиропа, сахара, крахмала, желатина и др. компонентов. Поджаривается на палочке на открытом огне.], которые и начала поджаривать на огне.

Пока мы угощались этими клейкими вкусностями, Лисса с Кристианом разговаривали друг с другом в свойственной им легкой, спокойной манере. К моему удивлению, Таша и Дмитрий тоже общались легко, как хорошо знакомые люди. Очевидно, они знали друг друга с давних пор. Никогда прежде я не видела его таким оживленным. Даже в тех редких случаях, когда он был нежен со мной, его всегда окружала атмосфера серьезности. С Ташей он добродушно подшучивал и смеялся. Чем дольше я слушала ее, тем больше она мне нравилась. Под конец, не в силах оставаться в стороне, я спросила:

– Значит, вы поедете на лыжную базу?

Она кивнула, подавила зевок и потянулась, точно кошка.

– Я уже сто лет не каталась на лыжах. Времени не хватает. Все свои отпуска приберегала для этого.

– Отпуска? – Я с любопытством посмотрела на нее. – Вы что... работаете?

– К сожалению, да, – ответила Таша, хотя в ее голосе не чувствовалось сожаления. – Я веду уроки боевых искусств.

Я была потрясена. Если бы выяснилось, что она астронавт или психолог по телефону, я и то удивилась бы меньше. Множество членов королевских семей вообще не работают, а если уж и работают, то занимаются каким-нибудь инвестированием или другого вида предпринимательством – в общем, тем, что способствует дальнейшему процветанию семьи. И уж никто из них точно не занимается боевыми искусствами или другим видом деятельности, требующим физической нагрузки. Морои имеют множество прекрасных качеств: исключительно обостренные чувства – обоняние, зрение и слух – и способность работать с магией. Но физически они высокие и худощавые, часто тонкокостные. Они также не выносят солнечного света. И хотя все перечисленное не мешает кому-то из них стать воином, оно потребует от него несравненно большего вложения сил. Среди мороев со временем укоренилась идея, что лучший способ нападения – защита, и в массе своей они избегают даже думать о физических конфликтах. Прячутся в хорошо защищенных местах вроде Академии, полагаясь на более сильных и жестких дампиров как своих стражей.

– Как по-твоему, Роза, – Кристиана, казалось, очень забавляло мое удивление, – ты могла бы одолеть ее?

– Трудно сказать.

Таша улыбнулась мне.

– Ты скромничаешь. Я видела, на что вы, ребята, способны. Для меня это просто хобби, которым я зарабатываю на жизнь.

Дмитрий засмеялся.

– Теперь ты скромничаешь. Ты в состоянии вести здесь половину уроков.

– Вряд ли, – сказала она. – Я бы почувствовала себя очень неловко, если бы меня победила в бою группа тинейджеров.

– Не думаю, – возразил он. – Я помню, как ты отделала Нейла Селски.

Таша закатила глаза.

– И это называется отделала – выплеснуть вино ему в лицо? Разве что его костюм пострадал, а мы все знаем, как он трясется над своей одеждой.

Они оба рассмеялись над чем-то сугубо личным, относительно чего остальные были не в курсе, однако я слушала лишь вполуха. Меня по-прежнему больше всего интриговала ее роль в той истории со стригоями. Я пыталась сдержаться, но в конце концов сдалась.

– Вы начали учиться боевым искусствам до или после того, что случилось с вашим лицом?

– Роза! – прошипела Лисса.

Однако Ташу, похоже, мой вопрос ничуть не огорчил. Да и Кристиана тоже, а ведь обычно он испытывает явную неловкость, когда заходит разговор о нападении его родителей. Таша устремила на меня спокойный, задумчивый взгляд – похожий на тот, который иногда бросал на меня Дмитрий, если я делала что-то удивительное, но такое, что он одобрил бы.

– После, – ответила она, не выглядя смущенной, хотя я ощутила в ее тоне грусть. – Как много тебе известно?

Я бросила взгляд на Кристиана.

– Основное.

Она кивнула.

– Я знала... знала, кем стали Лукас и Мойра, и все же оказалась не готова – ни умственно, ни физически, ни эмоционально. Думаю, если бы мне пришлось снова это пережить, я все равно не была бы готова. Однако после той ночи я посмотрела на себя – образно говоря – и поняла, насколько я беззащитна. Всю свою жизнь я рассчитывала только на стражей, которые придут и защитят меня. И дело не в том, что стражи на это неспособны. Как я уже говорила, ты, скорее всего, одолеешь меня в схватке. Но они – Лукас и Мойра – убили двух наших стражей, прежде чем мы поняли, что происходит. Я помешала им забрать Кристиана, но с трудом. Если бы не подоспели другие, я была бы мертва, а он... – Она помолчала с хмурым видом. – Я решила, что не хочу погибать таким образом – без настоящей схватки, не умея защитить себя и тех, кого люблю. Поэтому стала изучать все способы самообороны. Вдобавок спустя какое-то время выяснилось, что я... ну не слишком-то хорошо вписываюсь в здешнее высшее общество. Поэтому перебралась в Миннеаполис и стала зарабатывать на жизнь, обучая других.

Я не сомневалась, в Миннеаполисе живут и другие морои – хотя один бог знает почему, – но я умею читать между строк. Она переехала туда и жила среди людей, держась в стороне от остальных вампиров – как мы с Лиссой на протяжении двух лет. У меня также возникло чувство, будто тут между строк есть и кое-что еще. Она сказала: «изучала все способы самообороны» – то есть больше, чем боевые искусства. В соответствии со своими убеждениями касательно нападения-обороны морои считают, что магию нельзя применять как оружие. Правда, в давние времена ее так и использовали, а некоторые морои обращаются к ней и до сих пор. Кристиан, я знала, один из них. Внезапно до меня дошло, у кого он мог этого набраться.

Все молчали. Разговаривать после такой грустной истории стало трудно. Но Таша, поняла я, из тех людей, которые всегда умеют улучшить настроение. Все оставшееся время она потратила, рассказывая нам разные забавные истории, и от этого нравилась мне еще больше. Она не важничала, как большинство королевских особ, но знала множество сплетен практически обо всех. Дмитрий, похоже, знал многих из тех, о ком она говорила, – поистине удивительно, как такой вроде бы замкнутый человек может знать практически всех в сообществе мороев и стражей?

Они чуть не довели нас до истерики, пока в конце концов Таша не взглянула на часы.

– Где тут поблизости самые лучшие магазины? – спросила она.

Мы с Лиссой обменялись взглядами и сказали в унисон:

– Мизула.

Таша вздохнула.

– Часа два пути, но если я выеду сейчас, то, наверное, успею до закрытия магазинов. Я безнадежно припозднилась с рождественскими покупками.

Я застонала.

– Обожаю ходить по магазинам.

– Я тоже, – сказала Лисса.

Я бросила на Дмитрия полный надежды взгляд.

– Может, мы могли бы вместе...

– Нет, – отрезал он.

Я испустила вздох. Таша снова зевнула.

– Мне нужно выпить кофе, чтобы не уснуть за рулем.

– А разве один из ваших стражей не может вас отвезти?

Она покачала головой.

– У меня их нет.

– Нет... – Я попыталась осмыслить услышанное. – У вас нет стражей?

– Нет.

Я так и подскочила.

– Но это невозможно! Вы же из королевской семьи. У вас должен быть хотя бы один. На самом деле два.

Стражей распределял между морями Совет стражей, загадочным и в высшей степени экономным способом. В некотором роде не слишком справедливая система, учитывая соотношение стражей и морей. Не принадлежащие к королевским семьям получали стражей путем лотереи, королевские особы всегда обзаводились охраной. Особы высокого ранга часто имели двух дампинов, но даже представители низкого ранга никогда не оставались вообще без стражей.

– Когда распределяли стражей, семья Озера точно не стояла во главе очереди, – с горечью улыбнулся Кристиан. – С тех пор как... мои родители умерли... стражей все время не хватает.

Мой гнев вспыхнул с новой силой.

– Но это несправедливо. Нельзя наказывать вас за то, что сделали ваши родственники.

– Это не наказание, Роза. – Таша, казалось, совсем не была возмущена, а следовало бы, по моему мнению. – Просто... расстановка приоритетов.

– Вас оставили беззащитной. Вы не можете никуда поехать в одиночестве!

– Я не беззащитна, Роза. Я уже говорила об этом. И если бы я действительно хотела иметь стража, я могла бы поднять шум, но слишком хлопотно. Мне и так хорошо.

Дмитрий посмотрел на нее.

– Хочешь, поеду с тобой?

– И не будешь спать всю ночь? – Таша покачала головой. – Я не могу так обойтись с тобой, Димка.

– Он не возражает, – быстро вмешалась я, в восторге от этого решения.

Дмитрия, казалось, позабавило, что я говорю за него, но он не стал опровергать меня.

– Я и вправду не возражаю.

Она заколебалась.

– Ладно. Но тогда нам нужно отправляться.

Наша противозаконная вечеринка распалась.

Морои двинулись в одном направлении, мы с Дмитрием в другом. Они с Ташей договорились встретиться через полчаса.

– Ну и что ты о ней думаешь? – спросил он, когда мы остались одни.

– Она мне понравилась. Супер. – Я задумалась. – И я поняла, о каких знаках ты говорил.

– Ой ли?

Я кивнула, глядя на дорожку, по которой мы шли. Она была посыпана солью, и все же кое-где блестели участки льда.

– То, что она делала, – не ради славы. Долг. Так же, как... Так же, как моя мама.

Мне претило делать это признание, но правда есть правда. Возможно, Джанин Хэзевей – худшая мать, которую можно себе представить, но страж она выдающийся.

– Дело не в знаках, не они имеют значение, будь то молнии или шрамы.

– Ты быстро учишься, – одобрительно сказал он.

Я прямо раздулась от гордости.

– Почему она называет тебя Димка?

Он негромко рассмеялся. Он много смеялся тем вечером, и мне это очень нравилось.

– Уменьшительное имя от Дмитрий.

– Бессмыслица какая-то – совсем не похоже на Дмитрий. Тебя нужно называть... ну не знаю... Дими или что-то в этом роде.

– По-русски получается иначе.

– Станный ваш русский.

По-русски уменьшительное имя Василисы было Вася, что для меня не имело никакого смысла.

– И английский не лучше.

Я лукаво посмотрела на него.

– Если ты научишь меня ругаться по-русски, я, может, по-новому оценю твой язык.

– Ты и так ругаешься слишком много.

– Просто я так самовыражаюсь.

– Ох, Роза... – Он вздохнул. – Уж как ты выражаешь себя, так, по-моему, никто не умеет.

Я улыбнулась, и некоторое время мы шли молча. Сердце пропустило удар, я так счастлива была просто находиться рядом с ним. Когда мы вместе – в этом есть что-то очень теплое и... правильное.

Пока я не столько шла, сколько парила над тропой, в голове зашевелилась еще одна мысль.

– Знаешь, в шрамах Таши есть странность.

– Какая? – спросил он.

– Эти шрамы... Они ее портят, – медленно начала я, чувствуя, как трудно выразить свою мысль словами. – В смысле, очевидно – раньше она была по-настоящему красива. Но даже с этими шрамами... ну не знаю. Она красива в каком-то другом смысле. Типа... Типа как будто они часть ее. Они делают ее совершенной.

Дмитрий не отвечал, но искоса взглянул на меня. Я тоже, и, когда наши взгляды встретились, я увидела в его глазах мимолетный отблеск прежнего влечения. Он тут же исчез, но я его видела. На смену ему пришли гордость и одобрение, что было почти так же хорошо.

Когда он заговорил, это прозвучало как эхо сказанного прежде.

– Ты быстро учишься.

Шесть

Когда на следующее утро я отправилась на наше занятие перед уроками, то была, как никогда, довольна жизнью. Тайные вчерашние посиделки прошли просто супер, и я чувствовала гордость за то, что пошла против системы и подтолкнула Дмитрия поехать с Ташей. И самое лучшее, вчера я впервые взяла в

руки серебряный кол и доказала, что умею обращаться с ним. Очень довольная собой, я не могла дожидаться начала следующего занятия.

Быстренько одевшись так, как всегда для этих занятий, я буквально полетела к гимнастическому залу. Однако, сунув голову в ту комнату, где мы упражнялись вчера, обнаружила, что она темна и пуста. Щелкнув выключателем, я внимательно огляделась – на тот случай, если Дмитрий придумал для этого занятия что-нибудь странное, завуалированное. Ничего. Пусто.

– Дерьмо, – пробормотала я.

– Его здесь нет.

Я взвизгнула и подскочила на десять футов. Резко развернулась и наткнулась на взгляд карих прищуренных глаз матери.

– Что ты здесь делаешь?

Едва слова сорвались с моих губ, ум зарегистрировал, как она одета. Обтягивающая рубашка с короткими рукавами, свободные, затягивающиеся на шнурок штаны, похожие на мои.

– Дерьмо, – повторила я.

– Попридержи язык! – возмутилась она. – Мало того что ты ведешь себя так, будто ничего не слышала о хороших манерах, еще и выражаешься.

– Где Дмитрий?

– Страж Беликов в постели. Он вернулся всего пару часов назад и нуждается во сне.

Брань чуть снова не сорвалась с моих губ, но я проглотила ее. Конечно, Дмитрий спит. Он возил Ташу в Мизулу днем, в часы работы человеческих магазинов. Технически он не спал всю академическую ночь и, скорее всего, вернулся совсем недавно. Тьфу! Может, я и не стала бы подталкивать его к этой поездке, если бы заранее подумала о таком ее результате.

– Ну, надо полагать, занятие отменяется... – торопливо заговорила я.

– Успокойся и надень вот это.

Она протянула мне что-то вроде боксерских перчаток, но не таких толстых и объемистых. Хотя предназначались они для того же – для защиты рук.

– Мы работаем с серебряным колом, – надулась я, натягивая перчатки.

– Ну а сегодня займемся этим. Вперед!

От всей души жалея, что по дороге от корпуса меня не сбил автобус, я вслед за ней вышла на середину гимнастического зала. Ее вьющиеся волосы были подняты и закреплены заколками – чтобы не мешать, и шея полностью обнажилась. Кожа была покрыта татуировками. Самая верхняя представляла собой извилистую линию: символическое изображение клятвы, даваемой по окончании Академии, и согласия служить. Ниже шли знаки молнии, по одному за каждого убитого стригоя. Точное количество их я сосчитать не могла, но скажу одно – чудо, если на шее моей мамы найдется место еще для одной татуировки. На ее счету немало смертей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Имеется в виду шесть футов семь дюймов. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Хет-трик – спортивный термин: три гола, забитые одним игроком за одну игру.

3

Маршмэллоу – суфле из кукурузного сиропа, сахара, крахмала, желатина и др. компонентов. Поджаривается на палочке на открытом огне.

Купить: <https://telnovel.com/raychel-mid/ledyanoy-ukus>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)